

Константин КУРАЛЕНЯ

16+

Шаман-гора

книга 1 серия Великое кочевье

Константин Кураленя

Шаман-гора

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Кураленя К.

Шаман-гора / К. Кураленя — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Герой романа «Шаман-гора» Михаил Манычев таинственным образом попадает в начало 1860-х годов и участвует в сплаве переселенцев на Нижний Амур. Путешествие по Амуру полно удивительных и опасных приключений, авантюрных событий, встреч с новыми героями, ставшими настоящими друзьями. Опыт участника войны в Афганистане помог Михаилу выйти победителем из кровавых и жестоких схваток с бандами хунхузов и беглых каторжников. История освоения Приамурья, преемственность поколений, глубокое уважение заслуг предков, продолжение их славных деяний всегда интересны для читателя.

Содержание

Вместо предисловия	5
Старые дневники	5
Глава 1	7
Комсомольцы-добровольцы	7
Глава 2	12
Трудовые будни	12
Глава 3	17
Красивая легенда	17
Глава 4	20
Ущипните меня, я сплю	20
Глава 5	27
Вниз по реченьке-реке	27
Глава 6.	33
Названия рекам давали люди	33
Глава 7.	38
Амур – река широкая	38
Глава 8.	44
Я становлюсь знаменитым	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Константин Кураленя

Шаман-гора

Вместо предисловия

Старые дневники

Однажды, наводя в своей квартире порядок, среди кипы нужных и ненужных бумаг я наткнулся на внушительную стопку общих тетрадей. Тетради были старые, в разноцветных ледериновых обложках, туго перетянутые тонким шпагатом. Как они оказались в чулане моей квартиры, я совершенно не помнил. Не желая нагружать свои мозги ненужными мыслительными процессами, я решительно взял в руки ножницы и разрезал шпагат. Тетради, а их было более десяти, непослушно выскользнули из моих рук и рассыпались по полу. Присев на корточки, я взял в руки одну из них. На чёрной обложке, ближе к верху, был наклеен некогда белый квадратик бумаги с аккуратно обрезанными уголками с цифрой три. Судя по всему, это был порядковый номер. Справедливо решив, что начинать исследование своей находки следует с тетради под номером один, я отыскал среди общей кучи необходимый номер. Обложка нужной тетради оказалась коричневой, ледерин по краям уже успел расслоиться. Я встал и повернулся к свету и, не сдувая пыли, ввевшейся в тиснение на ледерине, не без любопытства открыл тетрадь. На внутренней стороне обложки я прочёл надпись. Незнакомым убористым почерком там было написано имя и фамилия владельца дневников. Это была фамилия моего друга по бурной молодости. По указанным ниже причинам его не называю. На первой странице тетради прочёл обращение ко мне. Текст привожу полностью.

«Антон, друг! Пишу именно тебе, потому что знаю, что поверить мне сможешь только ты. В этих тетрадях записаны такие невероятные вещи, которые произошли со мной на самом деле, что кто-либо другой сочтёт меня сумасшедшим и сдаст в психушку. Но это было! Хотя я сам порой не верю в реальность всего произошедшего.

Если ты когда-нибудь решишь опубликовать эти записи, прошу тебя, не упоминай моей фамилии. Пусть всё это выглядит просто интересными историями, которые сочинил человек с богатым воображением. Но всё-таки я надеюсь, что мы с тобой в скором времени встретимся. И я всё смогу объяснить при встрече.

Я решил уволиться с работы и ненадолго выехать в другое место. Не хотелось бы сейчас говорить о причинах моего поступка. Об этом узнаешь позже или тогда, когда прочтёшь мои записи. А пока просто их сохрани».

Я привалился спиной к стене чулана. События двадцатилетней давности встали перед моими глазами так, словно всё это было вчера. Я и мои друзья, молодые и счастливые, с комсомольскими путёвками в карманах, едем на комсомольско-молодёжную стройку. Впереди целая жизнь! Неужели уже пролетело двадцать лет? Не верится. Вроде бы всё это было только вчера. Забавная штука жизнь. В молодости нам кажется, что мы будем жить вечно. Смело совершаем ошибки. А чего бояться? Впереди уйма времени на то, чтобы их исправить. Решительно бросаемся в разные авантюры. Ничего страшного. Ещё будет время начать всё заново и всё переиначить. А время неумолимо, словно книжные листочки, перекладывает год за годом. И вот мы уже седые. Некоторые из друзей покинули этот мир. Вместо исправления старых ошибок мы насвершали новые. А начинать всё заново нет ни желания, ни сил.

Но двадцать лет назад всё было иначе. И пусть эти годы останутся в нашей памяти до последнего часа. Это была наша жизнь! Это были наши ошибки. Разложив стопку тетрадей по

номерам, я перевернул первую страницу коричневой тетради и углубился в чтение. Написанное читалось необыкновенно захватывающе и легко. Возможно, это происходило потому, что автор записей был моим другом, а события, описанные в его дневниках, нас объединяли и роднили. Незаметно подкралась ночь. Я оторвался от чтения, когда часы показывали половину третьего ночи. С сожалением отложив тетради, я отправился спать. А теперь мне хочется представить повествование моего друга на ваш суд. Верить тому, что там написано, или нет – право каждого из вас. Со своей стороны могу лишь только заверить, что от себя ничего лишнего я не добавил и не приукрасил.

Глава 1

Комсомольцы-добровольцы

Сбылась мечта идиота! Я еду покорять необъятные просторы нашей страны. Вы спросите: почему идиота? Да потому что найдётся немного здравомыслящих людей, которые, бросив всё, поедут куда-то в тьму-таракань искать приключений, а иначе говоря – «за туманом и за запахом тайги». Здесь я, конечно, лукавлю. Потому что желающих попасть в первый десант строителей нового города на берегах нашего славного Амура было превеликое множество. В горкомах комсомола городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре лежали сотни заявлений. А едет нас только пятьдесят человек. Пятьдесят счастливых комсомольско-молодёжного отряда «Комсомолец Приамурья», оставив тёплые домашние углы, ехали в тайгу строить с «нуля» свой город. Город будущего, как назвал его на прощальном митинге один из провожающих чиновников. Этот город будет строиться на берегу Амура. Как когда-то на месте Комсомольска-на-Амуре находилось село Пермское, на месте нашего будущего города стоит село Нижнетамбовское. До него можно добраться по узкоколейке, которая проложена от станции Селихино.

Сегодня девятнадцатое января 1986 года, на дворе стоит ужасный мороз. Но в вагонах тепло. Проводники, понимая важность момента, угля не жалеют. В купе нас едет четверо. За те пять дней, что перед отправкой из города Комсомольска-на-Амуре, мы находились вместе, все успели подружиться. Произошло это по вполне банальному поводу. На общих построениях, по причине своего роста, мы все оказались рядом. А много ли надо для знакомства объединённым одной целью людям? Мы все из разных мест. Нестеренко Сергей и Безбородов Андрей из Хабаровска. Я из Комсомольска-на-Амуре. Колодяжный Валера из Солнечного.

Уставшие и задерганные бесконечными построениями и встречами, мы спрятались в своём купе и лениво рассказывали друг другу свои биографии и разные житейские истории. У каждого были свои причины отправиться на строительство таёжного города. Я и Нестеренко ехали на поиски новых впечатлений и интересных событий. Нам осточертела однообразная городская жизнь. Хотелось проверить себя на прочность, оказавшись в суровых условиях первостроителей. Хотя, если считать службу в Советской армии школой жизни, у каждого из нас за плечами эта школа была. Колодяжный Валера, хоть и был по возрасту наш ровесник, уже успел обскать нас в семейной жизни. Еще будучи в армии, он умудрился жениться и обзавестись двумя сыновьями. На данный момент его волновал вопрос жилья. В построенном нами городе он надеялся решить свои жилищные вопросы. Да и денежная сторона была для молодого отца семейства делом немаловажным. Ну а Безбородов ехал, потому что «все едут, а я чем хуже?».

Вообще, в отряде подобрался народ разномастный и каждый со своим «бзиком» в голове. Кто, так же как и я, ехал за «туманом и за запахом тайги». Кто за длинным рублём. Кто за квартирой. Кто подальше от жены и от детей. Ну а кто ради каких-то своих, тайных делишек. Но, получая комсомольские путёвки, все как один стучали себя кулаком в грудь, что «гадом буду, но жить без комсомола не могу». Что по велению сердца и долга, во времена великих свершений, не могу стоять в стороне от больших дел.

Может быть, и наступят такие времена, когда человек сможет говорить то, что думает. А пока мы живём по принципу двойной морали. Одна для общественной жизни, а вторая для личного употребления. Вот даже сейчас, если бы кто-нибудь из комсомольского актива прочёл эти строки, то меня бы высадили на первой остановке. И прощайте, туманы и запахи тайги.

Всю дорогу по вагону шныряют вездесущие корреспонденты. Одна деваха ворвалась в наше купе и стала настойчиво наседать на Нестеренко.

– Я корреспондент газеты «Тихоокеанская звезда» Юлия Самохвалова. Скажите несколько слов: кто вы, откуда, почему решили поехать на всесоюзную комсомольскую стройку?

Серёга пытается сделать вид, что обращаются не к нему. Но с пишущей братией такие номера не проходят. Если будет надо, то они и собаку пешком загоняют. Видно, что ей понравился высокий красавец, бывший мор- пех.

– Я, Нестеренко Сергей, – поняв, что ему не отвертеться, выдавливает из себя Серёга, – живу в городе Хабаровске.

– О, так мы с вами земляки, – профессионально обрадовалась юная дива пера, – и что же вас заставило покинуть наш уютный красавец Хабаровск?

– Хочу построить свой город, а затем в нём жить, – честно признаётся Серёга.

– Но ведь наверняка у вас были перед глазами примеры первопроходцев Дальнего Востока? Ни за что не поверю, что вас не вдохновил на этот поступок пример строителей Комсомольска-на-Амуре? – откровенно подсказывала ему правильный ответ корреспондентка.

Наверное, в своём недалёком детстве она была отличницей, и привычка раздавать подсказки своим одноклассникам навечно впиталась в её кровь.

– Ну, да, вдохновили, – мямлит будущий покоритель таёжных просторов, – а вообще-то больше хотелось, чтобы город... свой.

– Конечно, конечно, – досадливо сморщив носик, сбавляет свой напор девушка.

Видно, что ответы «первопроходца» не вписываются в уже выстроенный ею сюжет будущей статьи.

– Девушка, – я прихожу на помощь немногословному Сергею, – а вы долго пробудете в Нижней Тамбовке?

– До послезавтра, а что?

Сбитая с толку корреспондентка явно не понимает моего вопроса.

– Да хотелось бы познакомиться с вами поближе. И даже пригласить на танцы. Уж я бы вам порассказал обо всех своих мечтах и стремлениях.

То, что я не досказал вслух, девушка наверняка прочла в моих глазах. Но не смутилась. Девушка, а особенно такая красивая, является постоянным объектом повышенного внимания. По снисходительному взгляду я понял, что таких молодых строителей коммунизма, как я, она отшивает каждый день целыми пачками. И я почему-то ей сразу поверил.

– А что вы можете рассказать о себе? – прохладным, но всё ещё профессионально-приветливым голосом обратилась она ко мне.

Я с радостью сообщил ей, как меня звать-величать.

– А живу я в городе Комсомольске-на-Амуре, – добавил я задушевно.

– О, так для вас пример строителей города Юности не простые слова? – заметно оживилась девушка.

– Да, Юленька. Можно я вас так буду называть? Не простые. Скажу больше. С самого раннего детства я мечтал совершить что-нибудь эдакое. В крайнем случае, повторить подвиг комсомольцев-добровольцев. А вообще, я хотел стать космонавтом или пограничником. В крайнем случае, пограничной собакой, – сообщил я доверчиво.

Девушка насторожилась. Что случилось, милая? Я ведь говорю то, что хочешь услышать. И, по-моему, говорю искренне. Наверное, мои слова звучат слишком напыщенно? Я постарался говорить как можно проникновенней.

– Видите ли, Юля, на нашу жизнь не досталось подвигов и славы. Магнитку и Днепрогэс построили без нас. Новую жизнь наши деды завоёвывали сами. Целину поднимали без нас. Помните, как Ваня Бровкин там орден заработал? А мы даже не успели на строительство БАМа.

Я ей не сказал, что мне досталось полтора года Афгана. Но в наше время об этом говорить не принято, хоть мы и выполняли там свой интернациональный долг.

– Вы это серьёзно? – слегка удивилась Юлия.

– Вполне. Вот поэтому мы и едем. Мы желаем отдать наши пламенные комсомольские сердца на пользу родной партии и правительству. И ещё романтика. Помните, как в той песне? «А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги...»

– Как вам не стыдно? Из такого благородного дела вы делаете балаган, – окончательно не поверила в искренность моих слов Юлия.

– Как вы могли такое подумать? – искренне возмутился я. – Просто я очень начитанный молодой человек. И умею правильно излагать свои мысли. А если в моих словах вам почудился подвох, то Бог вам судья. Каждый судит в меру своей испорченности.

Корреспондентка негодуяюще вспыхнула, но в дальнейшие дискуссии вступать не стала. Задала нам несколько нейтральных вопросов и с достоинством удалилась.

– Какая тебя муха укусила? Такая девчонка классная, – усмехнулся Колодяжный.

– Да надоели уже все. Лезут в душу. Ей надо перед своим начальством красиво выпендириться. А ты тут говори то, что ей хочется. А может, Серёга и вправду хочет построить свой город? Какое ему дело до всего остального? Не ломайте человеку мечту.

– Да, могут у нас любое стоящее дело заговорить до такой степени, что аж тошно становится, – подал свой голос Андрей.

– Давайте-ка, мужики, спать. А то где-то тут бродят телевизионщики и куча другого народа. И все они алчут нашей юной непорочной кровушки.

Мужики, недолго думая, согласились. И уже через десять минут каждый добросовестно посапывал на своей полке.

Нижнетамбовское нас встретило крепким морозом под пятьдесят градусов по Цельсию и настороженнолюбопытными взглядами сельчан. Вот перед кем надо авторитет зарабатывать, а не трепаться перед корреспондентами. А если побежим отсюда через пару месяцев? Это и будет пример для комсомольцев других поколений, подумалось мне.

Едва мы пришли в себя после беспокойной дороги, как отправились на митинг к камню. Рядом с котлованом под фундамент первого крупнопанельного коттеджа установили памятный гранитный камень с надписью, что здесь 19 января 1986 года высадился первый десант строителей нового города.

Принимали нас, конечно, неплохо. Не знаю, как другие, но я прекрасно понимал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Всё нам придётся отработать. Но почему-то меня это совершенно не волновало.

Вечером в сельском доме культуры действительно были танцы. Дом культуры на удивление был даже очень ничего. Но это было моё субъективное мнение. До службы в армии я был человек сельский. И сравнивал его с клубом на станции Болонь, где прошло моё детство и юность. Сравнение было явно не в пользу моего родного клуба. Зал для танцующих не мог вместить всех желающих. И не потому что был слишком мал, а потому что желающих было слишком много. Вдруг, в проблеске света среди танцующих, блеснуло «знакомое до боли» лицо. Юленька... Собственной персоной. Я решительно стал проталкиваться к будущему золотому перу России.

– Я очень рад, что вы приняли моё приглашение, – учтиво прокричал я ей в ухо.

Музыкальная аппаратура издавала такой рёв, что иначе говорить было просто невозможно.

– Очень было надо, – презрительно бросила она, – я везде хожу сама, без приглашений.

– Я это понял ещё там, в вагоне. Такая девушка, как вы, должна быть очень самостоятельной. Вокруг столько жаждущих лёгкой победы над привлекательными особями противоположного пола, что мама не горюй.

– Уж не причисляете ли вы себя к этому числу хищников? – усмехнулась она.

– Что вы, что вы? – натуральным образом ужаснулся я. – Боже упаси. Скажете тоже. Я маленький серенький кролик. И мой жалкий удел сидеть под кустиком и трястись от страха. Где уж нам до возвышенного полёта души?

– Да, себя, любимого, вы не очень-то цените, – рассмеялась Юля.

– Что вы? Просто я знаю своё место, – я скромно потупил очи.

– И где же вы определили место для себя?

– В середине стада.

Девушка недоумённо вскинула брови. Я понял её немой вопрос и пояснил.

– В общем, наша жизнь можно утрированно рассматривать на примере сельского стада коров. Передним пастухи бьют по рогам, чтобы не перли, куда не надо. А задним накручивают хвосты, чтобы не тормозили движение. Поэтому самое удобное место в середине стада. И по рогам не бьют, и хвост не крутят.

– Да ладно уж, хватит кривляться. Никогда не поверю, что вы живёте по философии стада. И всё равно не прошу вам то, что вы чуть не загубили мой репортаж.

– На фоне вышеизложенных событий не будет выглядеть слишком вызывающе, если я осмелюсь пригласить вас на танго? – невинным голосом поинтересовался я.

– Если я скажу нет, вы отстанете? – Девушка посмотрела мне в глаза.

– Ну, вы же знаете.

– Конечно, знаю. Такие типы, как вы, существуют специально для того, чтобы портить девушкам жизнь.

– Вы не правы. Такие, как я, созданы для того, чтобы холить вас и лелеять. Тайно вздыхать и с обожанием провожать вас нежным взглядом. И, в конце концов, чтобы просто таскать следом за вами портфель из школы, – решил я заступиться за порочных типов. – Так каков же будет ваш положительный ответ?

Юля рассмеялась и первая положила свои руки на мои плечи. По её непринуждённым и лёгким движениям было видно, что танцевать она умела и любила. Но теснота и скученность в танцевальном зале была такой, что мы стояли, плотно прижавшись друг к другу горячими телами, и едва покачивались в такт музыке.

Милые на любовном свидании, да и только. Оригинальная ситуация начала меня забавлять. Юля была девочкой не глупой и тоже поняла двусмысленность положения. Но, похоже, она не могла решить, как с честью из него выпутаться. Я решил прийти ей на помощь.

– Здесь такая духота. Может быть, выйдем проветриться на улицу? – наклонившись к самому уху, произнёс я, касаясь губами её роскошных волос.

Девушка, оценив мой такт, благодарно взглянула на меня из-под густых ресниц и согласно кивнула головой.

Мы с трудом пробрались среди танцующих пар и вышли в фойе. Народу там было не меньше, чем в зале. Вся разница была в том, что под потолком стояли клубы никотинового дыма и можно было разговаривать вполголоса. Выходить покурить на мороз особого желания никто не изъявлял.

– Оба на! – раздался рядом голос Колодяжного. – Ущипните меня. Интервью продолжится. А мне показалось, что в вагоне вы не очень поладили.

– Вам показалось, Валерий. Ваш друг говорил очень правильные и нужные для нашей молодёжи слова, – серьёзно ответила Юля.

Я с невольным уважением посмотрел на девушку. Наш человек. Такая за словом в карман не полезет. Юля, несмотря на негативное впечатление, сложившееся у меня о ней в результате первой встречи, начинала мне всё больше и больше нравиться. Я поймал себя на мысли, что мне было очень приятно стоять с ней обнявшись среди танцующих пар. И если я только себе не льщу, то наши невольные объятия были ей тоже не совсем противны.

Словно желая найти подтверждение своим мыслям, я украдкой взглянул на Юлю. И поймал её встречный взгляд. Мы почему-то смутились и быстро отвели друг от друга глаза. Но за то короткое мгновение, пока мы смотрели друг на друга, что-то произошло. Моё сердце стало биться совершенно в ином ритме.

Валера не заметил наши переглядки и удивлённо присвистнул.

– А сейчас вы берёте интервью об отдыхе и быте будущих героев труда?

– Вы на удивление проникательны, Валерий. Вы случайно в милиции не работали? – так же серьёзно поинтересовалась девушка.

Валера смутился и, сделав вид, что заинтересовался кем-то из своих знакомых, скрылся в толпе. Я же мысленно поаплодировал своей новой знакомой. Как-то само собой получилось, что до конца вечера мы так и не отходили друг от друга. И вполне естественно, что я пошёл её провожать. Мы долго и вкусно целовались у крыльца дома, где она остановилась.

– Что мы делаем? – прошептала она задыхаясь. – Мы ведь едва знакомы.

– Всё хорошее имеет свойство быстро заканчиваться. Завтра ты уедешь, а у меня начнутся трудовые будни, – проговорил я, слегка отстраняясь от Юли.

– Вот именно поэтому всё это ни к чему.

– Ну а что сделать, если очень хочется?

– Хочется, перехочется, – произнесла она решительно и, одарив меня на прощание задумчивым взглядом, упорхнула в своё временное жильё.

Я шёл домой в строительный вагончик, где мы поселились вчетвером, и раздумывал о превратностях жизни. Неужели влип? Только серьёзных отношений мне не хватало для полного счастья.

Не спорю, первый вечер на новом месте прошёл очень приятно. Ну, флирт, это ещё куда ни шло... Но что-то более серьёзное – это уже явный перебор. В эту первую ночь на новом месте я долго не мог заснуть. Меня одолевали различные противоречивые мысли. А может быть, причина в том, что на новом месте всегда плохо спится? С этой спасительной мыслью я и уснул.

Глава 2

Трудовые будни

– Рота, подъём!

Сколько раз, ещё, казалось бы, совсем недавно, этот заполошный крик дневального вырывал меня из крепких объятий сна. Я с трудом разлепил глаза и по привычке откинул одеяло. Вернее, наоборот: сначала откинул одеяло, а затем открыл глаза.

В вагончике было на удивление тепло. Я посмотрел на часы. Время полседьмого утра.

– Почему в такую рань? – спросил я потягиваясь Валеру, своего соседа по половине вагончика. – Ни черта не выпался.

– Приказ комиссара отряда. А по ночам надо спать, а не интервью давать. Вон всё лицо в помаде, – ухмыльнулся он в ответ.

– Мужики, вы что, ещё не оделись? Там Коссинский уже всех на построение выгоняет, – заглянул к нам из соседней половины Нестеренко.

Я бодро вскочил и торопливо натянул на себя одежду. С первого дня попадать в число разгильдяев не хотелось. Накинув верхнюю одежду, мы дружной гурьбою вывалились на улицу. Перед строившимся отрядом с важным видом расхаживал комиссар Коссинский Саша. Следует заметить, что он один из всего отряда не служил срочную, но всякие построения и переклички любил не хуже заправского старшины. Весь остальной народ прошёл эту школу, что такое тяготы и лишения армейской службы – знал не понаслышке. Мороз на улице стоял такой, что освещавшие место построения лампочки еле-еле доносили слабое мерцание через мутные клубы тумана.

Два наших бригадира, Гранат Саша и Родин Володя, доложили о наличии в строю людей, и мы отправились на другой конец деревни в столовую на завтрак.

После завтрака мы собрались в ленинской комнате и стали обсуждать организационные вопросы. А их было немало. Справедливости ради следует отметить, что приехали мы не на пустое место. До нас здесь неплохо потрудились наши будущие коллеги – рабочие СУ-2. Они завезли и установили несколько жилых вагончиков и сборных деревощитовых домиков. В одном из этих домиков и была ленкомната.

Можно считать, что с этого самого дня и началась наша трудовая вахта.

Буквально через несколько дней появились искусственно созданные бытовые проблемы. Во всех вагончиках поочередно потекли отопительные котлы. Оказывается, собирали и монтировали их такие же «профессионалы», как и мы. Где-то что-то не так подключили. Где-то что-то не туда подвели. И в итоге, закономерный результат – отопительной системе пришёл капут. Пришлось срочно выбрасывать испорченные котлы, искать специалистов-печников и снимать с работы в тайге людей. Иначе мы рисковали не дожить до весны.

Людей, знающих азы печного искусства, было двое. Наш Серёга и казах Жексымбаев. И вот с утра пораньше мы с Валеркой месим раствор, подогревая его на костре, а Серёга с важным видом укладывает кирпичи.

– Смотри не подкачай. Делай на совесть. Для себя строим, – говорю я в промежутках между взмахами лопаты.

– Мастерство не пропьёшь, – авторитетно заявляет Валера, – правда ведь, Сергей?

– Смейтесь, смейтесь. Что бы вы без меня делали? Э, подмастерье, ты чего встал? – заметил он мою остановку.

– Устал, мастер, – отвечаю я подхалимским голосом.

– Замёрзнешь, на том свете отдохнёшь. А сейчас пошевеливайся, – неумолим маэстро мастерка и кирпича.

– Хотите, мужики, я вам анекдот про мастера расскажу? – спрашивает Валерка.

– Валяй, – радостно соглашаюсь я.

Серёга молчит. Понимает стервец, что сейчас в его огород прилетит камень.

Колодяжный начинает: «Приходит слесарь-сантехник на квартиру починить неисправный унитаз. Вместе с ним пацан-ученик. Сантехник спрашивает у хозяина: что случилось? А тот – так и так, мол, забился унитаз. Сантехник с важным видом проходит в туалет. Даёт пацану сумку с инструментом и говорит: смотри, как я буду делать, и учись, а когда попрошу, подашь мне ключи. Ну и давай там ковыряться всякой фигнёй в унитазе. Ничего не получается. Он плюёт на это дело. Отдаёт инструмент ученику. Закатывает рукав по самое плечо и давай в унитазе рукой шарить. Достает всякую бумагу, квачи, дерьмо. Почистил. Слив заработал. Сантехник поворачивается к ученику и говорит: смотри, сынок, как мастер работает, и учись, а то будешь всю жизнь ключи подавать».

Зазнайка посрамлён. Мы торжествуем.

К вечеру печь готова и даже прошла приёмные испытания.

– Ей-Богу, если бы не возбранялось, поднёс бы мастеру чарку. Чудо, а не печь, – радуется пришедший с работы из тайги Андрей.

Мы горестно вздыхаем. В отряде сухой закон. С нашим приездом даже рыбокооповским магазинам запретили торговать спиртным. В общем, во всём посёлке с нашим приездом объявлена трезвая жизнь. Местные мужички из-за этого смотрят на нас косо. То хоть по талонам две бутылки в месяц давали.

Русскому человеку не привыкать. Его ничем не напугаешь. Даже стишок сочинили: «Водка стала стоять пять, выпьем и возьмём опять. Если будет стоять восемь, всё равно мы пить не бросим. Если будет двадцать пять, будем снова Зимний брать!».

А ведь действительно, если обратиться к истории, все сухие законы, объявленные в стране, заканчивались весьма плачевно. Это законопослушные финны не спорят. Они до сих пор на выходные приезжают в Ленинград и напиваются там до поросычьего визга. В своей стране сухой закон. Благо до города на Неве два часа езды. Это уж я своими глазами видел. И даже выпивал вместе с представительницами слабого пола. Сухой закон, объявленный царём во время первой империалистической войны, окончился революцией. Сухой закон, объявленный Лениным, закончился повсеместными крестьянскими и казачьими восстаниями. Один лишь Сталин, а затем и Брежнев залили страну водкой. Пей – не хочу. Чем закончатся горбачёвские ветры перемен?.. Наверное, всю страну разнесут по закоулкам. «Молчу-молчу» – КГБ не дремлет... Я вспоминал свою единственную и нерадостную встречу с представителями этой всемогущей организации. Это была осень 1983 года.

Я и ещё два сержанта вместе с начальником штаба майором Долговым приехали в родную учебку, что находилась в славном городе Ленинграде. Мы должны были сопровождать в нашу часть, расквартированную в Кабуле, молодое пополнение. Ну а пока штабные решали вещевые и продовольственные вопросы, мы отрывались по полной программе. Зашли мы как-то вечером в ресторан в гостинице «Гавань». Гостиница огромная, высотная. На каждом этаже бары, рестораны. Мы в гражданской одежде. Присели по-плотному. В общем, веселье удалось.

Вполне закономерно, что мы дошли до кондиции, когда мужчинам требуется женское общество. Мой взор упал на девушку необыкновенной красоты. А может быть, мне так показалось, ведь выпито-то было уже немало. В общем, девчонка моей мечты. Именно такую я видел в своих суровых солдатских снах. Недолго думая, я стал её отчаянно «клеить». У людей военных нет времени на раздумья. «Кавалергарда век недолог...»

Девчонка отвечала мне полной взаимностью. Весело смеялась, охотно танцевала. Пришла по моему приглашению к нам за столик. Выпивала вместе с нами. Но при всём при

этом она не сказала ни одного слова. Однако меня это не сильно смущало. Когда я выпью, я могу говорить за двоих и даже за троих. Юная красавица уже смело сидела у меня на коленях, и я был полон радужных надежд на продолжение дальнейших отношений. Но не тут-то было. Когда мечта моей истосковавшейся души ненадолго отошла по женским надобностям, к нашему столику подошли два вежливых молодых человека. Один из них достал из кармана красную книжицу. На толстой обложке золотом гордо горели буквы «КГБ СССР».

– Старший лейтенант государственной безопасности такой-то, – представился он. – Предъявите, пожалуйста, ваши документы.

Сказать по совести, на фотографии в военной форме он смотрелся гораздо шикарнее и как-то по-своему роднее. Но нам было не до лирики.

– Что, товарищ сержант? – произнёс он, разглядывая мой военный билет и командировочное удостоверение. – Употребляем? На международный скандал нарываемся? Родина вам доверила оружие, а вы дискредитируете гордое звание советского воина?

– Да вы что, товарищ старший лейтенант! – от такого поворота я мгновенно протрезвел. – Да мы за молодыми из-за Речки прилетели. Завтра назад едем. Вот зашли с товарищами посмотреть, как люди в мирное время веселятся.

– Смотреть-то можно, – усмехнувшись, протянул старлей, – руками трогать нельзя. Ты хоть знаешь, кого весь вечер лапаешь?

Я в недоумении уставился на гэбиста.

– А чёрт её знает. Она, по-моему, немая. Только смеётся и ничего не говорит, – пожал я плечами.

– Это дочь финского торгового представителя, боец. А не говорит она, потому что по-русски ни черта не понимает. И если вы за две минуты не успеете добежать до выхода из гостиницы, то ночевать сегодня будете на гауптвахте. Если бы не Афган, мы бы уже сейчас сдали вас патрулю.

– Время пошло, бойцы, – наконец-то подал голос второй гэбэшник.

Так как мы были люди военные, то дважды повторять команду не потребовалось. Уже через пару минут мы ловили «тачку», чтобы убраться от опасного места как можно дальше.

– И приспичило же тебе с этой заграничной девкой покувыркаться, – упрекали меня всю дорогу до следующего ресторана товарищи. – Так душевно сидели...

Вот такие воспоминания остались у меня от встречи с бойцами невидимого фронта. А вообще, обидно. Только в нашей стране так преданно и безоглядно любят иностранцев. Только в России им живётся во сто крат лучше, чем коренному населению. Откуда это в нас? Может быть, от Петра Первого?

Что-то я немного отвлёкся от главного. Наша жизнь понемногу стала входить в привычное русло. Наш небольшой строительный городок жил одной дружной семьёй. Только рабочий процесс всё никак не мог выйти на нормальный режим.

Я работал в тайге на вырубке леса под дорогу на промышленную базу. На всю нашу бригаду в десять человек выдали одну мотопилу «Урал» и две цепи к ней. Зато всем остальным дали по новенькому топору. Валите, ребята, лес. Ставьте стахановские рекорды. Так что в техническом оснащении мы ничем не отличались от первостроителей тридцатых годов. Одно только никто не учёл. Весь лес вокруг села Нижнетамбовское – это березняки.

В свое время наш сладкоголосый певец русской деревни Серёжка Есенин воспел в своих стихах и поэмах белоствольную красавицу русских лесов. Ничего не скажешь, красиво воспел. Но Серёжка жил в средней полосе России, и климат там гораздо мягче нашего, дальневосточного. И мне даже стыдно писать, как мы её, белоствольную, проклинали. Её и начальников, которые дали нам топоры и послали в лютый холод рубить эти самые берёзы, когда напитанный влагой ствол становится прочнее железа.

К концу первого рабочего дня все топоры были переломаны. Берёза выдержала, металл нет. Вся надежда оставалась на одну-единственную мотопилу. А что делать остальному люду? Как говорится, один с плоской, а семеро с ложкой.

На наши просьбы выдать ещё пилы начальство отвечало отказом. Если я назову причину отказа, то вы обхохочетесь: «А вдруг вы их сломаете?».

Наш прораб Фощай попытался нас успокоить.

– Что вы так волнуетесь? Любая стройка начинается с бардака и неразберихи. Это вполне запланированное явление. Со временем всё образуется.

Когда прораб вышел из бытовки, Сашка Гранат не выдержал:

– Узнать бы, где ты родился, да отправить туда вагон презервативов. Чтобы больше не рождались такие идиоты.

Стены бытовки дрогнули от смеха. Но в дальнейшем, действительно, слова прораба стали постепенно сбываться. Сразу видно, опытный строитель. Только бы этот опыт да на благое дело.

За работой незаметно наступил февраль, а затем и март. Морозы пошли на убыль, но началась пора буранов и снегов. Нас это не пугало. Мы уже чувствовали себя старожилками.

Два месяца работы на свежем воздухе пошли на пользу. Мы окрепли физически и, насмотревшись на бардак начального периода строительства, закалились духовно. Но иногда всё-таки брала обида. Не хотелось по нескольку раз переделывать одну и ту же работу. И дело не в том, что за переделки тебе не заплатят дважды. Просто мы научились гордиться своим трудом. А исправляя чужие ошибки, мы оставались без вины виноватыми. Но деваться было некуда. Сначала привозили материалы и приказывали строить капитальное жильё, а когда мы выводили дома под крышу, приходила строительная документация на эти самые дома. Приходилось всё ломать и переделывать согласно архитектурному замыслу проектировщиков. И так везде и всюду. Только здесь я понял, как губителен для любого дела непрофессионализм, безответственность и обыкновенная человеческая глупость.

«Кадры решают всё» – этот лозунг актуален и в наши дни.

Рядом с временным посёлком начали строить общежития для встречи всесоюзных комсомольско-молодёжных отрядов из Украины, Белоруссии, Воронежа и других мест Советского Союза. Вроде бы дела заворачиваются серьёзные. Лишь бы не сглазить.

Три месяца прошло, как уехала моя мимолётная знакомая Юля, а сердце нет-нет да и ёкнет в каком-то неясном томлении. Стараюсь гнать прочь эти крамольные мысли. Но такова человеческая природа. Чем больше мы стараемся о чём-то не думать, тем услужливей наша память вытаскивает из глубин подсознания приятные воспоминания. И тут ещё весна. Потекли ручьи. Природа требует своего. Даже щепка и та наплывает на щепку. А что говорить о нас, грешных. Первым поддался зову природы наш семьянин. Он даже похудел и изменился в лице. Теперь я частенько ночую один.

На дворе апрель. На улице льёт дождь. Сидим в бытовке и травим анекдоты, а жизнь подбрасывает нам свои. Открывается дверь, и входит прораб. Саня Гранат просит его заказать фанеру на отделку веранд.

– А у вас разве ничего не осталось? – недоумевает тот.

– Да там остались слёзы. Даже на одну квартиру не хватит.

– Ну, вы как-нибудь поэкономнее. Листы ведь толстые. Может быть, их стоит расщеплять?

Саня поперхнулся на полуслове. Мы выжидающе притихли.

– Расщеплять, говорите? А вы пробовали? Да мне проще атом расщепить, – взорвался он.

Мы деликатно отвернулись в сторону, а особо смешливые выскочили из бытовки вон. И уже на улице дали волю своему хохоту.

Прораб не стал накалять обстановку и поспешил удалиться.

Саня постепенно успокоился и говорит:

– Ну, как вот работать? Позавчера подхожу к нему и говорю, что пора бы стропы поменять. Эти все поскручивало и перегнуло. Да и по технике безопасности на таких работать нельзя. И знаете, что он мне ответил?

Не дожидаясь нашей реакции, продолжил:

– А вы их кувалдой поправьте, – говорит.

– А ты ему что? – поинтересовался Шалашов Андрей.

– Ну, если только на вашей спине, говорю, то с удовольствием. Я что-то не пойму, мужики, их что там, в институтах, только марксизму-ленинизму учат, а до специальности они своим умом должны доходить?

– Да нет, в институтах учат неплохо. Просто он, наверное, постоянно всё у соседей списывал. А здесь-то не спишешь. Здесь своей головой думать надо, – слегка заикаясь, пояснил Дробнов Эдик.

– О чём вы говорите? Вон Палыча возьмите. Человек на своём месте. Тот туфту загонять не станет, – заступился за руководящий состав Нестеренко.

– Ну, ты загнул: Палыч... Палыч человек, он в строительстве собаку съел. Если бы не такие, как он, то мы бы давно в полном анусе были, – поддержал всеобщее мнение о старшем прорабе Дьяченко бригадир.

– Если говорить честно, то неплохих руководителей хватает. Просто мера ответственности разная, – встрял я в общую дискуссию о человеке на своём месте. – Если я совершу брак, то это будет небольшое по своим масштабам происшествие. И брак можно будет легко исправить. А если брак совершит руководитель? То брак совершит целый участок или даже вся стройка.

– Возможно, ты и прав, но всё равно не хрен за них заступаться. Ты забыл, сколько они нашей крови выпили? – прервал меня Саня. – Мы пролетариат, и пускай они обеспечат нам нормальные условия труда. Это их работа. А каждый получает деньги за проделанную им работу.

– А я и не заступаюсь, просто каждый судит со своей колокольни.

– Ладно, орлы, хватит дискуссий. Вон и дождь кончился, пошли вкалывать, – прекратил прения Саня.

Ну что ж, вкалывать так вкалывать. Это дело для нас привычное.

Глава 3

Красивая легенда

Наконец-то пришла долгожданная весна. На Амуре вдоль берегов появились первые промоины. Дни стоят по-летнему жаркие. Наша бригада кроет шифером крыши на жилых коттеджах. Ещё не кончился апрель, а мы все уже чёрные словно негры. Говорят, что ранний загар самый полезный. Только неизвестно для чего.

С крыши коттеджа хорошо видно местную достопримечательность и загадку природы – Шаман-гору. Она находится на противоположной стороне Амура. Но это местное название, а по-научному она называется Амурские столбы. На вершине сопки стоят вековые каменные исполины. Не знаю, какова высота этих скал, но растущие у их подножия деревья издалека кажутся травой. Неизвестно, сколько столетий взирают они свысока на лежащую перед ними тайгу. На плавно несущий свои мутные воды красавец Амур. Какие тайны и загадки истории хранят они в своём непреступном молчании? Что бы они поведали нам, если бы смогли заговорить?

На эти скалы я обратил внимание на следующий день после нашего приезда. В хорошую погоду они видны как на ладони. И с тех пор, словно магнит, постоянно притягивают мой взгляд. Никого из наших они не интересуют так, как меня. С чего бы это? Вот бы там побывать. С Юлей. Но нет, про неё следует не вспоминать. Я не писал об этом раньше, но она приезжала к нам в творческую командировку ещё два раза.

Вопреки моим надеждам встречи прошли весьма прохладно. Ну что же, сердцу не прикажешь. А на кого-то обижаться в этом деле просто смешно. Кого-то расставания и расстояния сближают, а для кого-то становятся непреодолимым препятствием.

О происхождении этих скал существует несколько легенд, более или менее схожих между собой. Но мне понравилась одна. Мне рассказал её один местный нанец.

Зимней ночью мы с несколькими парнями попали в переделку и нам пришлось заночевать прямо в тайге. Чтобы не замёрзнуть, всю ночь палили костёр и грелись самогонкой, которую научились гнать, как заядлые шинкари. Вот и набрёл на огонь нашего костра нанец-охотник по имени Николай.

Обрадованный нашему обществу и закосевший от пары стопок самогона, он стал весёлым и словоохотливым. Но наливать нанайцам больше двух стопок нельзя. Тогда они становятся агрессивными и неуправляемыми. Мы, наученные предыдущим опытом общения с пьяными нанайцами, больше ему и не наливали. Этим в общем-то хорошим и приветливым людям их духи не дали иммунитета против алкоголя. А может быть, за какие-нибудь грехи лишили. Вот Николай и поведал мне легенду Шаман-горы.

«Давно это было. Дедушки наших дедушек были маленькими детьми. Жил в одном нанайском стойбище молодой охотник. Смелым и удачливым стрелком он был. Не помнили люди стойбища таких дней, чтобы возвращался он из тайги без добычи. Уважали охотника, потому что в голодные годы не раз спасал он их от смерти. Также жил в этом стойбище шаман. Старый был шаман, жадный. Забирал он себе большую часть дорогих шкур и мяса. Но всё равно все охотники приносили ему подарки.

Пусть шаман берёт подарки и не гневается, лишь бы добрыми были его духи. Лишь бы выгоняли они на охотников зверя да заманивали в сети рыбу. Чаше всех бывал в жилище у шамана молодой охотник. Но не только потому, что был удачливее всех. У шамана росла красавица дочь. И не жалко было охотнику дорогих подарков. Лишь бы ещё раз хоть краешком глаза увидеть красавицу Адзи. Так звали дочь шамана. Полюбилась она молодому охотнику.

И девушка полюбила юношу. Всем сердцем полюбила. Но другие планы были у шамана. Он хотел продать её в жёны своему старому другу-шаману в дальнее стойбище. Не захотели молодые мириться с замыслами выжившего из ума старика. И однажды тёмной ненастной ночью выкрал молодой охотник красавицу Адзи. Увёл он её далеко в горы. Построил там жилище, и стали они жить в любви и согласии.

Но не находил себе места старый шаман. Никак не мог простить он вероломство собственной дочери и молодого охотника. Решил он найти и сжить со света своего обидчика. А этот шаман знался со злыми духами. Указали они шаману путь к жилищу охотника. Пришёл шаман к жилищу молодой семьи. Злые духи помогли ему принять облик огромного бурого медведя. И вот уже диковинный зверь приблизился к жилью новобрачных.

Не испугался молодой охотник дикого зверя. Смело вышел он навстречу медведю и натянул свой лук. Но узнала красавица Адзи по хищной походке в диком звере отца своего. И отвела от него смертоносное жало стрелы. Набросился медведь на молодого охотника. Но не поддался страху охотник и вынул из-за пояса свой охотничий нож. Смело бросился он навстречу своей судьбе.

Не выдержало сердце бедной девушки. Поняла она, что стали непримиримыми врагами отец её и муж её. Из-за неё стали. Дочерью шамана была Адзи. Колдовать умела. Не могла она допустить смерти родных ей людей.

С помощью добрых духов, которые любили приветливую Адзи, остановила она момент смертоубийства. Остановила время. Так и замерли навеки в скальных изваяниях несовершившие смертельного греха люди.

Так и остались стоять в веках, обдуваемые всеми ветрами скала-медведь, скала-охотник, скала-Адзи. Никто не приходил больше в эти места. Ни зверь, ни охотник. Нехорошим стало это место. Только злые духи прилетали сюда оплакивать своих близких. Чёрными тучами закрывали они Шаман-гору. А на землю дождём падали горькие слёзы по несчастной судьбе влюблённых и их отца.

С тех давних пор и повелась у местных жителей такая примета: если Шаман затягивают свинцовые тучи – быть ненастью».

Легенда, каких немало, навряд ли соответствует действительности. Ведь нанайцы – это остатки разрозненных племён стёртой с лица земли Золотой империи чжурчженей. Но любая легенда, оставшаяся в народной памяти, сказка. А эта, вдобавок ко всему, и романтическая.

После того как я услышал эту легенду, непреодолимое желание побывать на скалах меня уже не покидало. Я стал с нетерпением дожидаться весны. Отправляться в пеший поход зимой – чревато последствиями. Да и кто меня отпустит? Работы невпроворот. И вот я вновь и вновь вглядываюсь в чёткие контуры окаменевшей легенды. Какой-то неосознанный суеверный холодок щекочет моё подсознание. Мне кажется, что вот-вот, ещё совсем немного, и я постигну некую тайну. Тогда всё встанет на свои места. Но чего-то не хватает, и мозаика не складывается. Ну, ничего, я подожду.

Наконец-то на Амуре начался ледоход! Зрелище ещё то. Огромные льдины с ужасающим скрежетом и силой толкают и давят друг друга. Бездумная сила стихии такова, что многотонные глыбы льда под давлением таких же монстров выползают вверх по берегу на десятки метров. До конца мая они будут таять под летним солнцем. Если им по пути попадают лодки или что иное, оставленное на берегу нерадивыми хозяевами, то это всё растирается в порошок. Как говорится, эту бы силищу – да в мирных целях. Но тем и прекрасен Амур-батюшка. Своей необузданной силой и слепой могучей яростью. За это мы его и любим.

Через неделю я твёрдо решил отправиться на Шаман. С местными ребятами я уже договорился. Переправят меня на лодке туда, а через трое суток заберут обратно. Плохо только то, что идти придётся одному. Из моих друзей такая прогулка никого не прельщает. Как сказал Андрей: «Больно надо ноги бить. Я лучше за выходные отосплюсь». Я на мужиков не в обиде.

На работе мы действительно чертовски устаём. А тут ещё всех обуял любовный угар. Но мне сходить просто необходимо, иначе, а я в этом уверен, что-то в моей жизни пойдёт не так. Да и, как меня уверили местные ребята, заблудиться там практически невозможно. Тропа видна. Даже имеются вешки.

И вот наконец-то наступил долгожданный день. За спиной ревёт подвесной двигатель «Вихрь». Наша лодка легко скользит по спокойной глади величавого Амура. Подставив лицо свежим потокам воздуха, я с замиранием слежу за приближающейся кромкой берега. Лодка со скрежетом ткнулась в покрытый камнями берег. Я попрощался с ребятами и договорился о месте и времени встречи. Оттолкнув лодку от берега, я поднял руку в прощальном жесте. Всё, последние мосты сожжены. Я иду на Шаман.

Все ходившие до меня на гору рассказывали, что если добираться не спеша, то в первый день доходишь до подножия горы. Ночуешь там, а на следующий день с новыми силами совершаешь восхождение. Расстояние от берега до Шамана порядка тридцати километров.

Подкинув на плече рюкзак и перехватив поудобнее ружьё, я отправляюсь в путь. Я хочу преодолеть это расстояние за один день. Трудно, но можно. Молва не врёт, тропа действительно существует. Идти в гору не легко, но сколько их было, таких восхождений, за полтора долгих года афганской эпопеи.

К восьми часам вечера, мокрый от пота и порядком измотанный, я вышел к намеченной цели. Все мои муки стоили того. Перед глазами открывается впечатляющее зрелище. Я стою словно на вершине мира. Где-то далеко внизу, на другой стороне Амура, виднеется село. Свежий ветерок обдувает моё мокрое лицо. Благодарь!

Скалы Шаман-горы вблизи – это совсем не то, что издалика. Рядом с ними чувствуешь себя пигмеем. Да, постаралась мать-природа. И как она умудрилась наворотить такое чудо? А может быть, и не природа? Моё внимание привлекает нагромождение геометрически правильных каменных глыб. Тут явно потрудились не природа, а рука камнетёса. Не может природа создать такие идеальные поверхности строительного материала. Эти глыбы похожи на монолитные блоки крепостной стены.

Ладно, одёрнул я сам себя, любоваться будешь завтра. А сейчас надо думать о ночлеге. Необходимо отыскать подходящее место, запастись дровами и развести огонь. Да и отмахав по горной пересечённой местности энное количество километров, я проголодался так, что, не задумываясь, съел бы целого барана. Ну а так как баранов у меня нет, то придётся довольствоваться сухим пайком. А завтра сварганю чего-нибудь горяченького. Когда стало смеркаться, а с горных распадков потянуло прохладой, я закончил все дела по обустройству временного лагеря. Шалаш строить не стал, устроился в уютном месте, созданном природой. Это был небольшой грот в скалах. В случае необходимости он мог спасти и от дождя и от ветра. Я боялся, что если развести костёр, то дым, не найдя себе выхода, будет застилать грот. Но мои опасения оказались напрасными. Дым сам нашёл себе выход. Это оказалась расщелина в скалах, как будто специально созданная для дымохода. В общем, устроился я по-царски. В душе царил мир и покой. Отужинав тем, что Бог послал, и выпив несколько стопок «огненной воды», я лежал у костра и любовался заглядывающими в моё временное жилище звёздами. Благодарь!

Я планировал завтра с утра заняться более подробным осмотром скал и не сомневался, что меня ожидает много приятных находок. Но того, что произойдёт на самом деле, я не мог предвидеть даже в самых смелых фантазиях.

Мои «командирские» часы Чистопольского завода «Восток» показывали ровно полночь, когда звёзды в пещерном проёме сорвались с места и заплясали в бешеном хороводе. Я попытался приподняться на руки, чтобы получше рассмотреть непонятное явление природы. Но голова моя закружилась, а руки подкосились. И я, чувствуя тошноту в полном желудке, беспомощно рухнул на землю. При этом голова больно ударилась о каменный выступ, и я потерял сознание.

Глава 4

Ущипните меня, я сплю

Открыв глаза, я увидел, что стою посредине раскисшей от грязи дороги. Обтекая меня с двух сторон, в одном направлении двигалась серая масса каких-то неухоженных и безликих людей. Желая отогнать наваждение, я встряхнул головой. Бесполезно. Люди продолжали двигаться в прежнем направлении. В их движении сквозила какая-то унылая обречённость и слепая покорность судьбе.

– Служивый, ты чего раскорячился посереде дороги? А ну геть в сторону, а то зараз стопчу, – раздался откуда-то сзади и сбоку грубый голос.

Я недоумённо оглянулся. Прямо на меня глядела лошадиная морда. Лошадь лениво жевала жвачку и косила на меня любопытным взглядом.

«Вот так сон, – подумал я, – уже и лошади надо мной прикалываются».

– Ну, ты, энтова, солдатик, или в сторону отойди, или вперёд двигай, – рядом с лошадиной мордой появилась включенная мужичья голова.

Я с испугом уставился на бородатую растрёпанную рожу. Леший да и только. Вероятно, выражение моего лица было таким, что мужик несколько раз торопливо перекрестился.

– Ты бы энто, служивый, ружьишко-то от греха подальше на плечо б закинул, – проговорил он скороговоркой, кося глазами на мою правую руку.

Я проследил за его взглядом и увидел, что эта рука крепко сжимает цевьё карабина неизвестной мне конструкции. Напугал я, видно, мужика. Неосознанным, но привычным движением я закинул карабин за спину и посмотрел на мужика.

– И с дороги бы ушёл. А то погляди, как мы от остальных отстали, – добавил он.

Как робот, замороженным движением я выполнил его просьбу и, вроде бы проснувшись, спросил:

– Э, мужик, а мы где?

Мужик дёрнулся, словно от удара, и наотмашь хлестанул лошадь плетью по ляжкам. Та обиженно заржала и резко взяла вперёд. Вылетевшие из-под колёс телеги ошмётки грязи с неприятным звуком застучали по моей физиономии.

Я утёр со щеки грязь и уставился на руку. Грязь на руке выглядела вполне натурально. Во сне таких подробностей обычно не просматривается. Ну, во всяком случае, мне никогда такое не снилось. Да и вообще, чушь какая-то. Грязная дорога в две колеи. Какие-то серые люди. Мужик с лошадьё. К чему бы это? Стоп! А почему он называл меня солдатиком и служивым? Ружьё я уже видел. Что ещё? Надо посмотреть, какая на мне одежда. Я внимательно оглядел свою одежду. На мне была какая-то кургузая шинель из «драп-дерюги». На голове фуражка-бескозырка, но без ленточек. На ногах стоптанные сапоги, все залепленные грязью. К слову сказать, грязь была везде. И не только на обуви и одежде. Казалось, что грязью пропитались даже сама природа и воздух.

Из осмотра я понял одно: я не матрос. Больше ничего умного в голову не пришло.

Судя по состоянию природы, сейчас была весна. На деревьях набухали почки, и даже кое-где проклёвывались зелёные побеги. Ну и, естественно, вечные спутники русской весны – распутица и бездорожье.

Не обращая внимания на проходивших мимо людей и проезжающие повозки, я посмотрел вслед удаляющемуся мужику. В это время он догнал впереди идущую группу людей и, отчаянно жестикулируя, что-то им рассказывал. Нетрудно было догадаться что. При этом он то

и дело тыкал рукой в мою сторону и крутил у своего виска указательным пальцем. Вот, курва, выставляет меня психопатом!

Когда он в очередной раз повернул свою бородатую харю в мою сторону, я выразительно помахал ему кулаком. Мужик испуганно сторбился и, отмахиваясь от своих собеседников, торопливо засеменил за повозкой.

Теперь я стал разглядывать бредущих мимо меня людей. Одеты они были серо и однообразно. Причём всё это одинаково относилось и к мужчинам, и к женщинам, и к детям. У многих на ногах были лапти, а иные шли и вовсе без обуви, с посиневшими от холода ногами. Лица у всех были хмурыми и грязными. На телегах натужно скрипели несмазанные колёса. Лошади с трудом тянули свои повозки по наполненным грязью ямам, что в России, испокон веку, назывались дорогами. Века прошли, дороги остались. Вслед за телегами, натужно выгаскивая из грязи копыта, шли привязанные за рога к задкам телег коровы. Некоторые телеги тянули запряжённые в ярмо быки. Вся увиденная мною картина не располагала к веселью. Какой-то исход обречённых, да и только. Или очередная смена места жительства кочевым племенем. Не зря говорит народная молва, что один переезд равносителен пожару или потопу.

Однако из всего увиденного я не смог сделать никаких определённых выводов. Ситуация ещё больше запутывалась. Спрашивать что-либо у идущих мимо меня людей я уже опасался. Если все сочтут меня сумасшедшим, то могут и смирительную рубаху надеть. Лучше незаметно ко всему прислушиваться и приглядываться. Тем более что на меня никто не обращает внимания.

А вообще, ситуация какая-то дикая. То ли сон, то ли не сон. Хрен его разбери. Нет, я, конечно, читал и любил фантастику. Особенно про путешествия во времени. Но то ж фантастика, а это реальная жизнь. Со мной такого случиться не могло.

– Мишка, ты чего это тута окопалси? – хлопнул меня кто-то по плечу. – Батурин уже цельный час назад нашу команду собрал. Одного тебя нет.

Я резко оглянулся и уставился на говорившего. Помня свою прошлую неудачную попытку общения с аборигенами, я молча оглядел его с ног до головы. Одет он был точно так же, как и я. За спиной болтался карабин. Значит, свой брат, солдат. Но зато вид этого солдата был какой-то смешной и несуразный. Конопатую физиономию, чисто рязанских кровей, украшали два оттопыренных, словно вареники, уха. Сам он был какой-то мелкий и кривоногий. В общем, копия солдата Чонкина.

– Ты чо, Миш, в разуме помутился? – испуганно спросил он меня.

– С чего ты взял? – как можно беззаботнее проговорил я.

– Дак вон, мужики бают.

– Я этим мужикам хлебала-то пораскровеню, – невольно подстраиваясь под его манеру говорить, грозно ответил я.

– Ну, во, – заулыбался солдатик, – я так им и ответил. Но если ты сейчас же не явишься к господину унтер-офицеру Батурину, то ходить с раскровененным хлебалом тебе.

Унтер-офицер, насколько я помню, это наш современный сержант. А сержант в армии величина необъятная. Когда-то и я был сержантом. Я шёл следом за кривоногим солдатиком и краем уха слушал его разглагольствования. В моей голове в это время шёл мучительный мыслительный процесс.

«Если это сон, – думал я, – то выскочить из него пока никак не удаётся. А если это так, то остаётся только одно – досматривать его до конца». Хотя где-то в глубине сознания у меня всё больше и больше укреплялась мысль, что не всё так просто. И проснуться в пещере на Шаман-горе – не получится.

– А Семен Устиныч ногами так и затопотал. Разыщи, Егорша, мне этого обалдуя, – донёсся до меня голос провожатого.

Ну, теперь я знал хоть пару имён. И то дело. Интересно, а как они меня по фамилии кличут? И ещё мне очень хотелось посмотреть на себя в зеркало. Похож я на себя или нет?

– На хрена, говорит, мне в Иркутске этого Манычева навязали? Теперь нянькайся с ним, как с красной девицей. – Выловил я из словесного поноса Егорши полезную для себя информацию. Так-так, значит, звать меня Михаил, а фамилия у меня Манычев. И то хлеб. После этого я стал внимательнее прислушиваться к болтливому Егорше. А тот, обрадованный тем, что его никто не перебивает, взахлёб молил обо всём, что ни попадя. Мы догнали очередную повозку, гружённую различным крестьянским скарбом. С обеих сторон, держась руками за её края, шли шесть женщин. Лошадь под уздцы вёл крепкий мужик.

– И куды он их тянет, – нервно хохотнул Егорша, – пять девок и баба в семье. Чо он там с ними будет делать? Там ить надо тайгу корчевать. А с другой стороны, куды деваться? Жребий выпал, никуды не денишься. А откупиться нечем.

– А что, от каторги можно откупиться? – осторожно забросил я пробный камень, решив, что раз мы идём от Иркутска, то, возможно, конвоируем каторжников.

– Ну, ты и сказанул. От каторги откупиться, – тоненько засмеялся Егорша, – а ить верно. Переселенцы, они чо те каторжные. Ломить придётся от зари до зари. Да ить и наша доля не лучшая. Подневольная, – от веселья перешёл к грусти солдатик.

Значит, это переселенцы. От Иркутска идём своим ходом. А куда их гонят-то, неужели в родные края? Узнать бы, какие времена мне снятся?

– Женская доля в таких делах потяжелее нашей будет, – решил я поддержать разговор нейтральной темой, надеясь выведать что-нибудь ещё.

– А может быть, мужик на этом деле ещё и богатство поимеет, – ухмыльнулся солдатик. – Тута главное не промахнуться.

– Не понял!?

– Дак ить чо тут непонятного? Бабы в наших местах – товар ходовой. Мало их.

– Что, женщинами торгуют? Неужели и публичные дома имеются? – удивился я.

– Да ты чо, Бог с тобою, – сплюнул в сторону и перекрестился Егорша, – срам-то, какой.

– Ну, а что тогда болтаешь? – не выдержал я.

– Дак ить замуж можно с немалой выгодой отдать или в услужение какому-нибудь благородию, – досадуя на мою непонятливость, пискнул солдат.

– Тьфу ты, чёрт, – в сердцах ругнулся я.

– Вот ты с нами только от Иркутска идёшь. И сразу видать, о жизни местной мало разумения имеешь. А туды же, чертей поминаешь, – обиделся Егорша.

– Ладно, не сердись, – примирительно проговорил я, – это я погорячился.

– Погорячился, – проворчал тот незлобиво, – а ить ты не ведаешь, как его превосходительство генерал-губернатор Муравьёв солдатиков благодетельствует.

– Ладно, уж, говори, – улыбнулся я про себя.

– Выстраивает, значитца, его превосходительство каторжных женского полу насупротив солдатиков. А ить те солдатик верой и правдой царю-батюшке двадцать годков выслужили и окромя тягот да ранениев ничего не видели. И ить, значитца, которая каторжная насупротив какого солдатика попала, стало быть, и его жена. Тут же заходит полковой батюшка и всех венчает.

«Ну и ну, – подумал я, – вот как надо решать на местах демографическую проблему. Да и проблему заселения территорий».

– Дак ить те солдатик ещё век за то его превосходительству благодарны, – закончил Егорша.

Я стал вспоминать всё, что мне известно о первых поселенцах на Дальнем Востоке. К моему великому стыду, об этой странице истории родного отечества я не знал практически

ничего. Как строили Комсомольск-на-Амуре, читал, а что было до этого, имел самые размытые представления.

В голове лишь только назойливо вертелись слова Ломоносова о том, что могущество российское Сибирью прирастать будет. А где Сибирь и где родное Приамурье? Затем я вспомнил, что раньше на месте Комсомольска было село Пермское. А основали его переселенцы из Пермской губернии. Соответственно Нижнетамбовское основали переселенцы из Тамбовской губернии.

Я обрадовался, что хоть немножко что-то в моей памяти сдвинулось с места.

А вообще, интересная получается вещь. О гордых индейцах и переселенцах Дикого Запада мы знаем практически всё. Об угнетаемых неграх, насильно вывезенных на Американский континент, тоже. А об истории родных мест не знаем ничего. И не потому, что не желаем. Просто сведения об этом до того скудны и неинтересны, словно их кто-то специально уничтожал, чтобы мы не могли гордиться своим родом, своими корнями. Недаром мы – «иваны, родства не помнящие».

Я усмехнулся про себя, вспомнив, что до недавней поры считал, что Хабаровск основал Хабаров. И как велико было моё удивление, когда узнал, что всеми, или почти что всеми названиями населённых пунктов на Амуре и в Приморье мы обязаны генерал-губернатору Сибири и Приамурья Муравьёву-Амурскому. Прости нас, Господи, ибо глупы мы в своём невежестве. Интересно, кому это было надо вымарывать из нашей истории целые мощные пласты? Я понимаю, что идёт идеологическая борьба. Что классовые враги спят и видят, как бы сделать нам какую-нибудь пакость. Но при чём тут история? Одно слово, царский генерал? – Вычеркнуть его из истории. Помещик, промышленник, дворянин? – На свалку. Получается, что вместе с грязной водой выплеснули и ребёнка. Может быть, то, что со мной произошло, досталось в наказание за наше невежество?

Задумавшись, я не заметил, как семенивший впереди меня Егорша резко остановился. Едва не сбив его с ног, я недоумённо поднял голову.

Передо мною стоял бравый усатый вояка. Сразу видно – настоящий унтер. Тяжёлый набыченный взгляд был направлен прямо мне в переносицу.

– Где тебя черти носят, солдат? – спросил, словно выплюнул.

– Дак я это, по нужде, – автоматически сорвалась с языка извечная солдатская «отмазка».

– И дёрнул меня чёрт согласиться взять тебя с собой. Какой-то ты не наш. Часом, не разжалованный ли офицер? – недовольно поморщился унтер.

– Никак нет, ваше благородие, – вспомнил я обращение из видимых мною исторических фильмов, – офицером никогда не был.

– Какое я тебе благородие, сволочь? Опять комедь ломаешь? – сплюнул с досады унтер. Солдаты за его спиной заухмылялись.

Со слов унтера я понял, что Михаил Манычев его чем-то офигительно достал. Это ни есть гут. Под раздачу-то попадать мне. Но с другой стороны, за прикол в рожу бить не стал. Чего-то опасается. Скорее всего, боится, что я действительно окажусь разжалованным офицером. А это дело-то такое. Сегодня тебя разжаловали, а завтра пожаловали.

– Ну, погоду, до Шилкинского завода осталась пара переходов, а там я тебя определю, – махнул он рукой и повернулся к пятерым солдатам, топтавшимся у него за спиной. – А вы чего скалитесь? Зубам в пасти тесно?

Солдаты мигом стёрли с лиц ухмылки и преданно уставились на своего начальника.

– Думаю, что нам и далее негоже уходить вперёд от переселенцев. Всё же в кумпании, оно веселее. Да и его благородие майор Дьяченко приказал бы так же.

Солдаты одобрительно зашумели.

– Твоя правда, Семён Устиныч. Не след нам от казённых отрываться. Да и помочь наша, кака-никака, а понадобится, – выразил общее мнение седоусый солдат.

– Вот и я говорю. Воды в этом годе мало. Почитай по всей Шилке до станицы Усть-Стрелочной одни косы да меляки. Ну, а там и до Благовещенского караула по всему Амуру мелями идти. Подмогнём новосёлам.

– А чего ж не подмочь? – раздались голоса. – Подмогнём.

– Ну, вот и порешили. Значит, так тому и быть, – подвёл итог унтер.

Из всего вышесказанного я понял, что завтра мы должны быть на берегу реки Шилки. А затем каким-то образом начать сплавляться вниз. Пока, как я понял, до города Благовещенска, ведь Благовещенский караул и есть будущая столица Амурской области. У меня уже не оставалось сомнений, что я, подчиняясь каким-то неведомым временным катаклизмам, попал в прошлое нашей страны. Не такое уж и далёкое, но прошлое. И это прошлое касается освоения Дальнего Востока.

На следующий день к вечеру я уже знал, что воинская команда унтер-офицера Батурина следует из Иркутска, где была с шибко секретным заданием от своего командира. Эта команда солдат принадлежала к числу подчиненных его благородия майора Дьяченко. А этот самый майор командовал 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном. И что этот батальон всего два года назад назывался 13-м Сибирским линейным батальоном. А число тринадцать, как известно, чёртом меченное. Поэтому так сильно не повезло солдатам этого батальона в Амурском сплаве 1856 года. Все эти сведения мне поведал Загоруйко Егор. Недаром говорят, что болтун – находка для шпиона. Теперь я точно знал, что волею судьбы меня забросило в 1860 год.

Мы шли по обочине раскисшей дороги, и Загоруйко рассказывал мне о печальной участи солдат 13-го батальона, которая постигла их в сплаве 1856 года.

«Командовал тогда нашим батальоном его благородие полковник Облеухов, – как всегда скороговоркой вёл свой рассказ Егор, – а ить путь нам предстоял неблизкий. Должны мы были от Шилкинского завода дойти сплавом до поста Мариинск. Там находится штаб Амурских войск. А затем до наступления холодов вернуться обратно. Большой собрался сплав, плотов и лодок было не меньше сотни. Ну и тронулись мы в путь по весне, вослед последним льдинам. До Мариинска мы добрались неплохо. Хоть вода была и малая. Где на шестах, где на вёслах, а то и бечевой. А вот обратно...

Его благородие полковник Облеухов возвращаться не торопился. Бывало, что по три дён приходилось табо-ряться на одной стоянке. И случилось так, что отстали мы от всех отрядов, что вверх по Амуру подымались. А те и провизию повыгребали с продовольственных постов и огневой припас. В общем, стали мы голодать да страдать разными немочами. Все надеялись, что на Кумарском посту отъедемся, да не тут-то было. Баржа с хлебом не пришла. На мель под Албазином села да там и зазимовала. Пришлось идти с подведёнными желудками дальше. Веришь ли, нет, до того жрать хотелось, что варили кожу от ранцев, ремни и подошвы. А что делать? Голод не тётка. Даже господин Облеухов своего любимого пса сожрал.

Так и вышли с Кумарского поста не солоно хлебамши. Едва прошли речку Кумару, попали в ледоход. Пришлось обратно на пост вертаться. Двадцать дён ждали, пока лёд встанет. А тут морозы начались, снегу навалило. Господа офицеры во главе с полковником купили у туземцев лошадей да и поминай как звали. Правда, его благородие пообещался помочь прислать. Да, видно, сильно торопился. Забыл. Вот так и пошли мы дале. В летней амуниции и без всякого припасу. Сколько товарищев своих по пути похоронили, просто жуть. Едва ли половина батальона в живых осталась. Лишь к новому году возвратились мы на зимние квартиры», – тяжело вздохнув, закончил Загоруйко.

– А что Облеухов?

– А чо ему станется? Разжаловали его в майоры да отправили в другое место солдатиков губить. Барская ить доля иная, чем наша. Да и то сказать, женился он на дочке богатого купца, живёт сейчас где-то припеваючи.

– Да, действительно, число тринадцать несчастливое число, – протянул я вслух. – Хотя, с другой стороны, если командир дерьмо, то тут никакое число не поможет.

– Вот это в самую точку. Ить это в самый раз, – обрадованно поддержал меня солдат. – Ведь сразу после Облеухова пришёл к нам на батальон штабс-капитан Дьяченко. Вот это настоящий командир. Отец солдатам. Хоть службу с нас справно требует, но и помирать холодом и голодом не позволит.

Я понял, что своего командира солдаты уважают. Хоть не у дурака в подчинении жить придётся. Тут я поймал себя на мысли, что начинаю свыкаться со своим положением и даже как-то непроизвольно к нему подстраиваться.

День уже клонился к вечеру, когда от головы обоза прилетела весть: вышли к Шилкинскому заводу. А через некоторое время из-за очередного поворота показался берег забайкальской реки.

Постепенно на берег втянулась вся колонна переселенцев. Лица людей преобразились. В глазах загорелся огонь и надежда на то, что в ближайшем будущем всё изменится к лучшему. Я уже знал, что многие переселенцы за путь, длиною в год, похоронили своих родных и близких. Весь Сибирский тракт был усеян деревянными крестами и безымянными холмиками могил. Переселенцы Вятской, Пермской, Тамбовской и Воронежской губерний тоже внесли свой скорбный вклад в пополнение придорожных кладбищ. Но теперь измотанным дальней дорогой людям казалось, что главные трудности позади. Впрочем, где-то отчасти так оно и было. По крайней мере, голод уже не грозил. Амур и тайга прокормят. Оказывается, нас ждали. Ещё с ранней весны солдаты 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона занимались изготовлением плотов и прочих сплавных средств для переселенцев. Солдаты батальона даже умудрились срубить несколько банек.

Было объявлено, что мы останавливаемся здесь на неделю. Общими усилиями закончим постройку плотов и в путь. Следующая значительная остановка будет в Усть-Стрелке. Эта казачья станица стоит на пересечении двух забайкальских рек – Аргуни и Шилки, и от их слияния зарождается великая дальневосточная река Амур.

Обрадованный известием народ с энтузиазмом бросился обустроить временные жилища. Истосковавшиеся по осёдлой жизни люди радовались хоть какой-то видимости постоянного. Мы, как и все, под «чутким» руководством унтер-офицера Батурина, принялись строить шалаш, а к вечеру Батурин приказал почистить оружие, и мы уселись ужинать.

Батурин достал из своего ранца бутылку с мутной жидкостью.

– Ну что, служивые, выпьем за страдания наши многотрудные? – потряс он бутылку перед собой.

Солдаты радостно оживились.

– А мы, Устиныч, тут и сами расстарались, да не знали, как к тебе подступиться, – улыбнулся тот самый седоусый солдат.

Я уже знал, что звали его Зиновием, и он был одним из самых старых солдат батальона. По нашим меркам – дембель, или дед. Служили в то время двадцать лет. Немудрено, что традиция называть дедом выслужившего свой срок службы солдата сохранилась до наших дней. Армейские традиции живучи.

– Ишь ты, расстарались они, – довольно усмехнулся польщённый унтер, – воину выпить с устатку не грех, а в остальное время это баловство.

– Что правда то правда, Устиныч. Сам Александр Васильевич Суворов не возбранял. А тот солдата ценил и уважал, – поддержал его Зиновий.

– Да, великий был полководец. Настоящий отец для нашего брата-солдата, – согласно крякнул Батурин, разливая содержимое бутылки по протянутым солдатским кружкам.

Когда спиртное было разлито, унтер-офицер степенно огладил усы и произнёс:

– Выпьем, господа линейцы, за товарищев наших, кои не дожили до этих дней, а сгинули смертью лютой.

Все перекрестились и залпом опорожнили кружки. Я невольно передёрнулся. В кружке оказался самогон- первач.

Солдаты набросились на нехитрую казённую еду. После того как народ утолил первое чувство голода, унтер налил по второй.

– Ну а теперь, за Бога, царя и Отечество!

Радостно брякнули металлические кружки, а их содержимое, не задерживаясь, провалилось в солдатские желудки. Дружно заработали челюсти, и, как это бывает в таких случаях, завязался мужской разговор. У солдат всех времён и народов тема для разговоров одна. О сволочах-начальниках. О женщинах-изменщицах. О далёком доме да о тяжкой солдатской доле.

Глава 5

Вниз по реченьке-реке

Разбудил меня рано утром голос моего нового командира. Батурин сиплым со сна голо- сом крыл матом куль- тяпистого Егора. Тот ночью уснул рядом с костром и едва не прожёт свои сапоги.

– Я тебя, курву разэтакую, босиком погоню. И какого лешего ты в сапогах спать увалился? Ноге отдых нужен. А ты её гнить заставляешь, чучело нестроевое.

Егорша виновато хлопал глазами и шмыгал носом. Солдаты, пересмеиваясь, умывались и готовили завтрак.

В ограниченном общении мужском коллективе всегда найдётся кто-то на роль клоуна и всеобщего посмешища. Такими уж нас создал Господь Бог. Мы всегда должны самоутвер- ждаться за счёт других.

После завтрака Батурин построил наше маленькое формирование и объявил:

– Мне приказано на время постройки плотов и во время сплава распределить вас меж казенных крестьян. Для оказания им всевозможной помощи. Таких рек они не видели. Сплавом не сплавлялись.

Потом унтер-офицер самолично развёл нас по закреплённым командам. Меня приста- вили к группе переселенцев из Тамбовской губернии.

– Господин унтер-офицер, – наконец-то я решил обратиться к суровому унтеру.

– Чего тебе, Манычев?

– А я ведь тоже в сплавы не ходил.

– Как это? – не понял он меня. – А где же ты служил?

Я решил блефовать.

– Дак в Иркутске. А туда попал по рекрутской повинности из России. Так что не извольте гневаться, а большим сплавом ходить не довелось.

– А вообще, по рекам-то хоть плавал? – степень крайней досады не позволила ему даже загнуть матом.

– О, это сколько угодно, господин унтер-офицер. На малых судах могу ходить. Доводи- лось и в штормах побывать.

– Ладно, солдат, приказа я нарушить не могу. Раз с судами мальыми дело имел, то и с плотом управишься. А пока присматривайся да на ус мотай, как другие делают. – Раздосадо- ванно сплюнув на песок, он пошёл прочь.

Я подошёл к своим новым попутчикам. За время, прошедшее после вчерашнего вечера, люди коренным образом переменились. Женские лица были свежи и привлекательны. Мужики сидели с аккуратно подстриженными бородами. Дети с весёлым визгом носились между шала- шами.

А самое главное, над ними не витал тошнотворный запах немых тел. Баня сделала своё дело. Даже жесты и движения людей стали совершенно иными: в них уже не было той тоски и обречённости, как при первой встрече.

– Проходи, служивый, гостем будешь, – широким жестом невысокий, но крепкий мужик пригласил меня к костру.

– Благодарствую, православные, – ляпнул я, вновь вспомнив какой-то очередной исто- рический фильм.

В глазах мужика промелькнуло удивление. Я понял, что сморозил глупость. Наверное, так разговаривали какие-нибудь монахи или старoverы. А катись оно всё к чёрту. Надоело. Больше не буду ни под кого подстраиваться.

Я решительно прошёл к костру и уселся на свободное место. Мужики выжидающе молчали. Оглядев направленные ко мне лица, я произнёс:

– Здорово, мужики.

– И тебе не кашлять, – ответил мне чей-то задорный голос.

Я посмотрел на хозяина голоса. Это был молодой статный казак, может быть немногим постарше меня. А что казак, то было видно по шароварам с лампасами да по папахе с кокардой. На боку у него висела шашка, а рядом, прислонённой к пеньку, стояла винтовка.

– Как тебя маманя с батей кликали, паря? – спросил он меня.

Я понял, что пора представиться. Возможно, что с этими людьми мне придётся съесть не один пуд соли.

– Михаил Манычев. Следую в распоряжение командования третьего Восточно-Сибирского батальона, – ответил я официально.

– Степан Кольцо. Казак второго полка Забайкальского казачьего войска, – передразнивая меня, представился весёлый казак. – Сопровождаю казённых крестьян к месту их нового проживания.

– Ну и шутолом ты, Степан, – слегка пожурил казака тот самый мужик, который пригласил меня к костру. – Ты, служивый, не тушуйся, это он так шутит.

Но было видно, что к казаку он относится с уважением.

– Пошто шутолом, дядька Кузьма? Я зараз и вас отрекомендую, – усмехнулся казак. – А это, господин линеец, казённые крестьяне Тамбовской губернии. Вот дядька Кузьма, вот дядька Филипп, вот дядька Ефим, а там ещё дядька Василий. А дядька Роман до лесу подался. Не можется ему чего-то.

Поочерёдно называл он мужиков уже в солидном возрасте, как я понял – хозяев семейств. Молодёжь представлять, похоже, было не принято. Не доросли.

Тут, обращаясь к своим школьным познаниям по истории страны, я стал вспоминать, что же это такое, казённые крестьяне? Крепостное право отменят только в следующем году. Значит, обживать неосвоенные территории гнали крестьян государственных, которые принадлежали казне. Поэтому и казённые. Интересно, а согласие у них спрашивали? Скорее всего, нет.

– А скажи-ка, дядька Кузьма, – обратился я к мужику, – своей волей на новые земли едете или принудили?

– Пошто ж принудили? Жребий тянули. Кому выпала повинность, тот и наладился в дальние земли. Эвона Ефим, так сам напросился. А другие заместо своих богатеев едут, – охотно пояснил мне мужик.

– Это как – вместо богатеев? – не понял я.

– Ну, ты, Михайло, словно только на свет народился, – расхохотался Степан, – чего проще. Мужик, что побогаче, платит деньги беспортошному, а тот вместо него берёт на себя жребий.

– Ну, а кроме этого, наши семьи на десять лет ослободаются от рекрутской повинности и от подушной подати. Дают по сто десятин земли. Ну и переселяемся мы за счёт казны. Опять же коровёнка, лошадь, – добавил Ефим.

– Были бы руки, авось не пропадём, – раздались нестройные голоса.

Что не пропадут, я знал не понаслышке. Видел потомков этих переселенцев. Может, кто-то даже и по фамилиям знаком. Но не всё сразу. Дорога дальняя, успеем ещё друг другу надоест, а не только познакомиться.

– Ладно, мужики, хватит лясы точить. Опосля договорите. Пора за работу приниматься, – сочно потягиваясь, проговорил казак.

Крестьяне без лишней суеты и нервнотрёпки вооружились топорами, пилами, молотками. А Степан направился к начальникам, узнать какую работу необходимо выполнить в первую очередь.

Целую неделю, не смолкая ни на миг, на берегу таёжной реки визжали пилы, стучали топоры и раздавались трёхэтажные маты начальственных людей. Как известно, без этого действенного средства русский человек трудится в полсилы. Однако, глядя на ежедневно копошащихся без усталости солдат и крестьян, я понял, что мы, по сравнению со своими прадедами, тунядцы. Вот у кого надо поучиться трудолюбию. От такой интенсивной трудотерапии я за неделю похудел килограммов на семь и невольно стал подсчитывать оставшиеся до конца недели дни.

Как-то, работая неподалеку от группы офицеров, я стал невольным свидетелем их разговора. Офицеры говорили о предполагаемом сплаве.

– Как вы полагаете, господин штабс-капитан, сколько плотов будет достаточно для нашего сплава? – спрашивал один у другого.

– Насколько мне известно, из России прибыло 227 семей общим числом 1806 душ. Вот и считайте, прапорщик, – ответил штабс-капитан.

– Вода в этом году удалась маленькая. Значит, строить большие плоты не гоже. В среднем человек по восемнадцать-двадцать на плот? – посмотрел он вопросительно на штабс-капитана.

– Да, голубчик, в этом вы, несомненно, правы. Помните случай, когда провиант решили отправить на больших плотках?

– Конечно, господин штабс-капитан. Сэкономили на людях, зато все плоты посадили на мель. Пришлось строить меньшие и перегружать прямо на воде.

– Сколько времени убили! Хорошо хоть успели провиант до ледостава доставить, а не то бы господин Муравьёв устроил нам дальнейшую карьеру. – Вспомнив неприятный инцидент, штабс-капитан неприязненно передёрнул плечами.

– А кроме того, скотина, провиант и другие грузы. В общем, караван получится довольно внушительный, – продолжил свои рассуждения прапорщик.

– Да что там думать, господин прапорщик, если скажете двести, то это будет недалеко от истины.

– Наверное, вы правы. Таким караваном мне ещё сплавливать не доводилось.

– Ничего, справимся, – успокоил прапорщика штабс-капитан.

Офицеры удалились от меня в сторону, и окончания разговора я не слышал.

За неделю, что переселенцы провели на Шилкинском заводе, они отъелись, окрепли и были готовы к дальнейшему пути. Также были готовы плавсредства, в простонародье называемые плотами. Плоты представляли из себя неуклюжие и громоздкие создания, связанные и сколоченные из свежеспавальной древесины. В дальнейшем этот лес планировалось пустить на срубы под жильё новосёлов. С обоих концов плота были установлены вёсла-правила¹. Этими правилами предполагалось мало-мальски придавать плотам нужное направление. На плотках были сколочены загородки для скота и небольшой домик для того, чтобы новоявленные мореходы могли укрыться от непогоды, были шесты, вёсла, канаты и прочая необходимая в пути мелочь. Также имелась целая флотилия небольших лодчонок.

Наконец был назначен день отплытия. Едва только забрезжил рассвет, как берег реки огласился криками мужиков и баб, ржанием лошадей и тревожным мычанием коров. Началась погрузка.

За время совместного пути люди сбились в небольшие сплочённые коллективы и старались держаться вместе. На каждом плоту люди распределялись компаниями по две-три семьи. Ведь только чтобы управлять таким монстром, требовалось сразу четыре человека. По два на каждое правило.

---

¹ Правило – длинное весло для управления лодкой, плотом.

Наши со Степаном подопечные заняли свои плоты. Я напоследок перед дальней дорогой получал наставления от Батурина и краем глаза наблюдал за погрузкой. Зрелище было ещё то.

Если лошади более-менее спокойно восприняли предстоящее плавание, то коровы, в отличие от своих товарок из известной детской прибаутки, служить во флоте категорически не желали. Широко выпучив глаза, они недоверчиво смотрели на шаткие доски сходен. Подниматься на борт «Ноева ковчега» рогатая братия не торопилась, но с помощью нецензурных выражений и пинков мужики постепенно побеждали упрямство «рогатой сволочи». Когда четвероногих кормилиц наконец загнали на плот, произошёл небольшой конфуз. Одна страдалица вышибла перекладину загородки и вырвалась на волю. Почуввав свободу, она решила развить свой успех и, недолго думая, сиганула в воду. Задрав хвост и поднимая вокруг себя море брызг, коровёнка рванула к берегу. Добравшись до спасительной суши, бурёнка победоносно взмычала и целенаправленно устремилась к ближайшей кромке леса.

– Яшка, растудыт тебя в коромысло, ты пошто скотину за рога к столбу не прикрутил? – заорал на своего сына Болдырев Ефим.

– Дак я думал – опосля, – пряча от разгневанного отца глаза, попытался оправдаться виновник происшествия.

– Я тебе покажу «опосля», – Ефим сгоряча прошёлся хворостинной, которой перед этим помогал безмозглой скотине забраться на плот, меж лопаток непутёвого сына.

– Погодь, дядька Ефим, парня-то калечить, – вступился за Яшку Степан, – верну я зараз твоё имущество.

Задорно гикнув, он вскочил на своего коня и, пришпорив жеребца, поскакал вслед за беглянкой.

Суетившийся на берегу люд с интересом стал наблюдать за развязкой событий. Всё какое-никакое, а разнообразие.

– Ты её, заразу, с «винта» прищучь, – кричали вслед Степану казаки, – чтобы другим неповадно было. А не то счас все в побег ударятся.

Степан совет хохмачей проигнорировал. Его жеребец в пять минут настиг непокорную отступницу, и в воздухе просвистел аркан. Надо же, удивился я, не хуже заправского ковбоя орудует казачок. Меж тем петля ловко обвила широко расставленные рога коровы, а Степан резко осадил коня. Руки, державшие аркан, напряглись. И вот, перекувыркнувшись через голову, свободолюбивое животное распласталось на траве. Недоумённо мотая головой, корова вскочила и попыталась вновь задать стрекача, но не тут-то было. Степан, накручивая на руку аркан, постепенно стал подтягивать бурёнку к себе, а затем, намотав конец верёвки на луку седла, медленным шагом направил лошадь к плотам.

– Принимай, дядька Ефим, свою беглянку. Магарыч с тебя, – крикнул он мужику и ловко спрыгнул на землю.

– Ай да казак! Ну и ловок, чертяка, – одобрительно зашумели мужики.

Степан же, поймав взгляд смутившейся девицы, подмигнул ей. Та, поняв, что разоблачена, гордо отвернулась в сторону.

– Благодарствую тебе, Степан Северьянович, – уважительно, по имени-отчеству, поблагодарил казака, принимая конец верёвки, Ефим.

– На, безрукий. Попробуй упустить ишто раз, – отдал он верёвку сыну.

– Не упущу, – буркнул тот.

Больше никаких происшествий не было. К восьми часам утра караван был готов тронуться в путь, но начальство почему-то медлило с отправкой. Оказалось, что все ждут какое-то высокое начальство – чуть ли не самого генерал-губернатора Муравьёва.

Через минут двадцать со стороны Шилкинского завода прискакал всадник. Он о чём-то переговорил с офицерами, и те, облегчённо вздохнув, приказали всем зайти на плоты и готовиться к отправке. Местный священник благословил «рабов Божьих» на великое дело для

нужд России, и плоты, один за другим, стали натужно отваливать от берега. Перед отправкой тот самый прапорщик, участник разговора, что я слышал накануне, приказал нам со Степаном взять под свою опеку ещё один плот. Люди на том плоту все были незнакомые, кроме отца пятерых дочерей, но Степан заметно обрадовался. Среди девушек находилась та самая дивчина, с которой Степан недавно переглядывался. Мне же пока было не до девичьих глаз. Требовалось для начала освоиться в незнакомом для меня времени и выжить.

Три наших плота дождались своей очереди и отчалили от берега. Погода была на удивление безветренной и тёплой. Река безропотно приняла тяжесть плотов и степенно понесла их вниз. Плавание началось. Чем оно закончится, знал лишь я один. Между плотами постоянно сновали лодки. Впереди плыли разведчики и докладывали о приближающихся отмелях. Но это не значило, что мы были полностью застрахованы от всяких неожиданностей. Они поджидали буквально за каждым поворотом. Так, через сутки после отплытия, сразу шесть плотов и одна баржа с продовольствием сели на мель. Пришлось останавливаться и общими усилиями стаскивать с мели плоты, а затем протаскивать через узкое место, поочередно, все суда нашего каравана. На этих участках реки терялось драгоценное время. После такой работёнки от усталости тряслись руки и ноги, но никто не жаловался. А на кого? Не миновала эта участь и нас.

Всё произошло на пятый день пути. Мы старались не прижимать плоты друг к другу, потому что были свидетелями, как на севшую на мель баржу наплывали следовавшие за ней. Картина, надо заметить, не из приятных. Наседающие друг на друга громадины ломают вёсла и постройки. В воде оказываются крестьянские пожитки. Я вместе с Яшкой стоял на кормовом правиле, когда с противным шорохом плот уткнулся в отмель. От неожиданного толчка мы с напарником вылетели в воду. Тонуть, конечно, мы не собирались. Глубина-то известная – воробью по колено. Следовавший за нами плот со Степаном на борту, отчаянно работая правилами, стал нас обходить сбоку и тоже сел на мель. Третий плот уткнулся в косу между нами. Остальные успели среагировать и причалили к берегу. И вот по грудь в ледяной весенней воде мы, напрягая жилы, выталкиваем плот на более глубокое место. Нам помогают мужики с других плотов. «Ноев ковчег» не желает покидать косу. Приходится под днище подводить ваги² и, подваживая плот с двух сторон, выводить его на глубину. И так второй, а затем третий.

Поймав надёжное течение, наш караван устремляется дальше. Хотя слово «устремляется» здесь приемлемо менее всего. Мы тащимся черепашим шагом. Мне, человеку двадцатого века – века скоростей, такая скорость передвижения кажется дикой и нудной. Эх, сейчас бы на белоснежный красавец «Метеор», да с ветерком, или, на худой конец, под буксир. То расстояние, что «Метеор» делает за час, мы проходим за сутки. Если, как говорил Егор, от Шилкинского завода до Мариинска около пяти тысяч вёрст, то плыть нам до самой осени. Ведь плывём мы только в светлое время суток, а впереди ещё шторма и непогода. Только по Шилке нам предстоит пройти не менее пятисот километров. Течение здесь быстрее, чем в Амуре, но мели – это бич Божий.

Выбравшись на плот, мы развесили мокрую одежду на просушку. Мужики стали требовать у женщин лекарства для «сугреву вовнутрях» и, как те ни были против, своего добились. А ведь действительно – «не пьянки ради, а лечения для».

На нашем плоту плывут семейства Зиминых и Болдыревых. Братья Шишкины занимают отдельный плот. У них семья многочисленная. Мы плывём первыми среди четырёх наших со Степаном плотов.

В караване уже не осталось ни одного плота, который бы ни побывал на мели. Степан нас подбадривает тем, что как дойдём до Усть-Стрелки, то далее, по Амуре, плыть будет легче. И река пошире, и мелей поменьше. Мне наше плавание кажется медленным и скучным, а крестьяне откровенно рады. Это не пеший переход через всю Россию-матушку. За ежедневным

² Вага – шест, служащий рычагом для поднятия тяжестей.

дневным бдением и беспокойными ночами на берегах реки незаметно пролетело более двух недель. Как мы ни ждали появления станицы Усть-Стрелочная, всё равно проморгали. Первые избы станицы появились неожиданно и вдруг.

Станица Усть-Стрелка выглядела весьма живописно. Столько разного люда здесь никогда до сих пор не бывало. На тесных улочках станицы и на берегу яблоку упасть негде. Казаки, солдаты, крестьяне, бабы, дети – всё смешалось в кричащем разноголосом хороводе. В этой станице нам предстояло немного передохнуть и с новыми силами продолжать свой путь.

Глава 6.

Названия рекам давали люди

– Слышь, Михайло, – обратился ко мне Степан, как только ближе к вечеру наш плот уткнулся в берег, – у меня тут родня имеется, да и знакомцев немало. Так что я отлучусь, а ты покаместь один службу справляй.

– Отлучайся, Стёпа. Да смотри не загуляй. С утра наверняка какая-нибудь проверка будет, – согласился я.

За эти проведённые вместе недели мы со Стёпой подружились. Возраст у нас был примерно одинаковый, к тому же делить нам было нечего.

– Да ты что, Миша, как можно? Утром буду как штык. А ежели что срочное, дак я буду у местного казака Ивана Колюжного.

Я в знак согласия кивнул головой, и довольный Степан вывел на берег своего коня. Затем, окинув взглядом остающийся народ, лихо свистнул и, вскочив на жеребца, направил его в сторону станицы.

В отличие от своих прошлых ночёвок в этот раз решили скотину на берег не выводить. Трава по всей округе была вытоптана, так что пастись животным было негде. За свежей травой отправили молодёжь, после чего, поужинав, легли спать. Степан гулеванил, видимо, на славу, потому как рано утром появился с распухшей физиономией и синяком под глазом.

– Никак, Стёпа, комары накусили? – первой встретила казака Устюгова Катерина, дочь того самого богатого дочерьми крестьянина.

– Они, проклятушие, – протискиваясь боком мимо девушки, пробормотал Степан.

– А чёй-то у тебя на глазу? – невинным голосом продолжала допрос девушка. – Никак конь хвостом вдарил?

– Отстань, смола.

Степан попытался обойти неожиданное препятствие, но узкие сходни не позволили ему этого сделать. Потеряв равновесие, казак немного побалансировал на одной ноге и неловко бултыхнулся в воду.

– Ты чего это, Стёпушка? Никак запарился за ночь, решил охолонуться? – посочувствовала Катерина.

– Ну, девка, язви её в корень. Утопила казака, – хлопая себя по ляжкам, смеялись мужики.

– Да, Демьян, вырастил ты оторву. Не дал тебе Бог мужиков, зато чёрта в юбке сподобил, – ухмыляясь в усы, произнёс Ефим.

– Дак и сам маюсь, – ответил Устюгов, – я ей слово, она мне пять. Я ей вдоль, она поперёк.

– А вожжами учить не пробовал?

– Дак ить баба. Жалко. Нехай ужо муж воспитывает.

– Ну-ну, – крикнул Ефим. – Интерес имею поглядеть, как у него это получится?

Степан, переодевшись в сухую одежду, вышел на плот.

– Ты чего это, девка, на людей кидаешься да допросы устраиваешь. Я тебе не муж, – заткнув руку за ремень, попытался отчитать он девушку.

– Ишь, размечтался, мерин при лампасах. Эвонных мужей мне и даром не надо. Нехай тебя казачки толстозадые милуют, – отбрила Степана девушка и, гордо покачивая бёдрами, спустилась на берег.

Степан беспомощно огляделся по сторонам, словно приглашая окружающих быть свидетелями своего позора. Но мужики старательно отводили глаза в сторону. Мало ли чего обиженному казаку в голову взбредёт? Какая-никакая, а власть.

– Ты чегой-то, дядька Демьян, баб своих распустил? – наконец-то нашёл он виноватого. Не успевший спрятаться мужик вздрогнул.

– Ты щё, Степан? Это она не со зла, а по своему бабскому недомыслию, – перекрестился Демьян и ввернул заумное словечко. – Ты уж не сердчай, потому как такая у женского полу конституция.

– Чего у женского полу? – выпучил глаза Степан. – Ты чего это зараз сказал? Ты хоть сам-то понял?

– Характер эвонный, значитца, такой стервозный, – дал определение слову «конституция» мужик. Было видно, что его устраивает разговор, перешедший в другое русло. Он приободрился и расправил плечи.

Степан сплюнул в сторону и, махнув рукой, спустился на берег. На берегу женщины готовили завтрак. Они о чём-то вполголоса переговаривались и покатывались со смеху. Степан подозрительно посмотрел в их сторону и, по-видимому решив, что связываться с бабским племенем себе дороже, пошёл к своему коню. Спутав коня, он с независимым видом вернулся.

Прибежал Загоруйко Егор и поведал последние новости. Оказывается, мы будем дожидаться барж с продовольствием и инструментом. Эти баржи должны спуститься по Аргуню.

После сытного завтрака мужики расположились здесь же недалеко от костра и, закутив, неспешно повели умные разговоры. Женщины занимались хозяйственными делами. Кто стирал, кто выносил и развешивал на просушку под ласковым майским солнцем отсыревшие вещи.

– Всё-таки жизнь удивительная штука, – проговорил задумчиво Болдырев Ефим. – Пришлось мне в молодости участвовать в военных баталиях на Кавказе. Дак вот, тамotka тоже есть река Аргун.

– Тутощняя река не Аргун, а Аргунь прозывается, дядька Ефим, – поправил его Степан.

– Дак я и говорю, удивительная штука. Расстояние в тыщи вёрст, а названия рек только одной буквицей и отличаются. Неспроста эвто.

– А что, дядька Ефим, неужто ты в кавказской кампании участвовал? – не поверил казак.

– Да энтак сподобился, – усмехнулся Ефим.

– А про нашего генерал-губернатора господина Муравьёва не слыхивал ли часом? Он ведь тоже в тех местах воевал.

– Слыхал я про генерала Муравьёва Николая Николаевича, который в тридцать втором годе замирил турецкого и египетского султанов. Потому и войны меж нами не случились. (Здесь Ефим ошибается, это был Н.Н. Муравьёв-Карский³ – полный тёзка Муравьёва-Амурского.)

– Расскажи про свою службу, дядя Ефим, – попросил я его.

– Да ить чего в ней интересного, в службе-то той? Одна маята да тягость. Это хорошо ещё, что я не все двадцать годочков отслужил, а всего лишь десять.

– Поведай, Ефим. Не скупись. Очень мы интерес имеем послушать про твою службу и кавказскую войну, – попросили Ефима и остальные.

– А чего ж и не поведать. Слушайте.

И Ефим стал рассказывать: «Было это в 1830 году. Приехал в нашу волость нарочный с повелением забрать в рекруты молодых парней, которые по возрасту, значитца, в солдаты годные. Ну, пал жребий и на наш двор. А мне до полного возраста ещё одного годка не хватало.

---

³ Муравьёв (Карский) Николай Николаевич (1794-1866) – генерал от инфантерии. Во время Крымской войны в 1854-1856 гг. наместник на Кавказе, главнокомандующий Кавказским корпусом. Руководил взятием крепости Карс (1855).

А старшему брату Митяю в самую пору. Однако успел Митяй к тому времени обзавестись женой и парой ребя-тёнок. Куцы ж ему такому на службу? А дитёв кто кормить будет? Ну и говорит мне батя, что так, мол, и так, Ефим, пострадай за всё семейство наше. Возьми тягость армейскую за брательника свою Митяя. А мне щё, я молодой был, глупый. Да и скушно мне было в деревне, землю хотелось посмотреть. Вот я и говорю: «Нехай Митяй семейство своё прокармливают, а я не против на службу идтить». После того погуливали мы как полагается, да и увезли меня в далёкий город Царицын, что на Волге-реке. Там в былые годы Емелька Пугачёв озоровал да волю казачкам требовал.

Определили меня в учебные батареи по артиллерийской части. Всё бы ничего, но муштра дикая. Унижени-ев всяких и лишениев натерпелся я вдоволь. Да и унтер-офицер попался, что не приведи господь. Зверь-зверем. Сопатки нам кровенил и по делу и за просто так, из интересу. До того уж ему это самое дело по душе было. Ну а мы, ясное дело, терпели. А куды попрёшь?

Так случилось, что через год, как я прибыл на службу, утонул тот самый унтер в отхожем месте. По пьяному делу утонул. Ну а командование следствие учинило, что да как? Не мог, мол, такой исправный служака, да ещё по пьяному делу, в отхожем месте лютую смерть принять».

Тут Ефим невольно усмехнулся, а я подумал, что не прост дядька Ефим. Ох, не прост. Не иначе как помогал он тому унтеру в дерьме окунаться.

Меж тем Болдырев продолжал: «Цельных три месяца длилось следствие. И три месяца с нас тянули жилы.

Кто да что? А чего с нас взять? Никак нет, не могу знать. Так ничего и не выпытали. Ну и решили нас от греха подальше спровадить в дальние гарнизоны. Так и попал я на Кавказ. В крепость Грозную. Воевали мы супротив чеченских и дагестанских имамов. Имам – это всё равно что по-нашему поп. А главным их военачальником был Гази-Магомед, главный имам Дагестана и Чечни⁴».

– А что, дядька Ефим, говорят вера ихняя дюже от нашей отличается? – перебил рассказчика Степан.

– Дак щё вера? Вера она и есть вера. Магометанская вера, не наша. По эвонной вере выходит, что вино им пить не можно. Свинину кушать нельзя. Зато жён можно иметь сколько душа пожелает, а вернее – сколько прокормишь.

– Ишь ты, – оживились мужики, – и как же эвонные мужики с таким счастьем справляются? Тут и одна, бывает, до того запилит, хошь из дома беги.

– Покорные их жёны. По вере ихней выходит, что муж для них хозяин и повелитель. И бунтовать против него они не имеют никаких прав.

– Вот эвто верно у них прописано, и нам бы не худо. Верно, Демьян? – ввернул кто-то из мужиков.

– Дак вы поимейте в виду, мужики, что при всём при эвтом вина-то пить им неможно, – угомонил мужиков Зимин Филипп.

Мужики враз успокоились, а Степан проговорил:

– А всё одно, мужики, а христианская вера самая правильная. Хучь и жена всего одна, да зато винцо нам не возбраняется.

– Давай, дядька Ефим, сказывай. Что там далее было? – попросил Филипп.

Ефим обвёл слушателей взглядом и продолжил:

«За веру свою воюют магометане страшно. Любимое их занятие – делать православным «секир-башка». По-нашему – значитца отрезать головы и протчие мужские принадлежности. Так что в плен к ним лучше не попадать, замучают насмерть».

---

⁴ Гази-Магомед (1795-1832) – первый имам. Гамзат-Бек (1789— 1834) – второй имам, Шамиль (1799—1871) – третий имам Дагестана и Чечни. Руководитель освободительного движения кавказцев.

– А ты как, Ефим, со всеми принадлежностями вернулся? – поинтересовался у него Кузьма.

– Об евтом у бабы евонной поинтересоваться надо, – хохотнул Филипп.

– Давайте, поинтересуйтесь, – спокойно ответил Ефим, – а заодно и у Яшки мово поспрошайте.

– Да ты щё, Ефим? То мы так, шутейно, – извиняющимся голосом проговорил Кузьма. – Сказывай дальше.

«Ну, а что дальше? Воевали мы с ихними абреками ни шатко ни валко. То мы верх брали, то они. В тридцать втором году при штурме аула Гимри убили мы ихнего имама Гази-Магомеда. На смену ему пришёл Гамзат-бек. Но и тот вскоре погиб. А вот когда пришёл имам Шамиль, в тридцать четвёртом году это было, то всё началось сызнова. Востёр тот Шамиль был воевать. И сыны его – все вояки прирождённые. По ихней вере выходит, что если ты убил иноверца или погиб в бою, то ждёт тебя царствие небесное и вечный рай. Вот они и воюют, ничего не страшась. И вот в тридцать девятом году случилась большая баталия между нашими войсками и воинами Шамиля на реке Аргун. Генерал Граббе⁵ командовал тогда нами. И вышла наша полная победа. Даже сам Шамиль получил в той баталии ранение и укрылся в своей столице – крепости Ахульго. Вот под той крепостью и достала меня чеченская пуля. Долго я по госпиталям бока проминал. Пуля у меня так вовнутрях и осталась. Врачи сказали, что её тревожить нельзя. Дольше проживу».

– Ну, ты даёшь, дядька Ефим, – восторженно произнёс Степан, – дак ты герой. И как пуля? Не мешает?

– А щё пуля? Щё ей будет? Только я вот потяжелыше маненько стал, – усмехнулся Ефим. Мужики заулыбались. Кузьма достал кiset и закурил.

– Ну и как тебя сподобили из армии-то отпустить? – поинтересовался он.

– Ездил в ту пору по госпиталям с инспекцией его превосходительство генерал Граббе. Ну и кресты заодно вручал тому, кто заслужил. Вот и мне вручил моего второго «Георгия» и спрашивает: «А ты чего ж, кавалер, в свою батарею не возвращаешься? Или курорт тебе госпитальный по душе пришелся?»

Ну, я и обсказал ему всё как на духу. Выслушал он меня и говорит: «Вызвать ко мне доктора». Переговорил с ним и дал команду: «Езжай, говорит, солдат, на родину. Ты на поле брани за отечество пулю получил. Теперь до самой гробовой доски будете вы вместе. Езжай, детишков рожай да подвиг свой воинский помни. Заслужил».

– Вот так и вышло, что вместо двадцати годков отслужил я только десять, – закончил Ефим свой рассказ.

– Вот не думал не гадал, что ты у нас такой боевой. Кавалер аж двух «Георгиев», – с уважением произнёс Степан.

Было видно, что казаку страсть как хотелось бы самому поучаствовать в боевых вылазках против горцев, да и получить за храбрость крест парень был бы не прочь. Я же теперь смотрел на георгиевского кавалера совсем другими глазами. Из головы не шёл рассказ о грустной участи унтера, что по пьяной лавочке утонул в туалете. Не иначе, как и Ефим приложил к этому свою руку. Боевой дядька, ничего не скажешь. Недаром ведь говорят, что у каждого в шкафу спрятан какой-нибудь скелет.

Так в бездеятельном сидении прошло три дня. На четвёртый день, ближе к полудню, перед Усть-Стрелкой появился караван из нескольких барж. Прибыл аргунский сплав. Народ заметно оживился, видимо, праздное времяпрепровождение уже всем надоело. После обеда пришёл всё тот же Загоруйко и сообщил, что завтра поутру мы отправляемся дальше. К про-

---

⁵ Граббе Павел Христофорович (1789-1875) – генерал-адъютант, командующий войсками на кавказской линии. Участник восстания декабристов, впоследствии граф и член Государственного совета.

должению сплава мы были уже давно готовы, поэтому люди восприняли известие радостно. Всем хотелось как можно скорее добраться до мест своей новой малой родины.

Глава 7.

Амур – река широкая

Вот уже целую неделю наш плот раскачивает угрюмая амурская волна. Сплав растянулся на многие километры. Хоть смотри вверх по Амуру, хоть вниз – вся река покрыта плотами и баржами. Мелей и вправду стало поменьше, но не настолько, чтобы можно было расслабиться. Остановки в связи с непредвиденными обстоятельствами по-прежнему случались, но наши со Стёпкой плоты Бог пока миловал. Пользуясь лодкой, плаваем друг к другу в гости. И нам веселей, и время быстрее бежит. Вот и сейчас Стёпка прибыл на наш плот с дружеским визитом, и мы лежим на нагретых солнцем досках верхнего настила.

Я смотрю на проплывающие мимо берега. Оба берега – и китайский, и наш – пустынно и безлюдны. Я сравниваю природу: у нас на Нижнем Амуру, и здесь в Амурской области. И ландшафт и природа разительным образом отличаются друг от друга. Здесь преобладают равнины и низменности, а у нас берега в основном покрывают горы да сопки, и тайга наша выглядит суровой и могучей.

На третий день после начала амурской эпопеи наш флот проплывал мимо Албазинского острога. В наше время слово «острог» ассоциируется со словами «темница», «тюрьма», в общем места лишения свободы. В семнадцатом веке это слово означало «крепость», или пограничный рубеж обороны.

Степан сообщил мне очень интересные исторические данные об этом остроге. В отличие от нас, сто с лишним лет назад люди помнили о своих корнях и знали историю своего рода и отечества.

Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток в своё время были землей, к которой стремились свобододолюбивые русские люди. Своеобразная Америка для людей, алчущих свободы духа и богатств материальных. Ермак в 1581 году, разгромив Сибирское ханство, прорубил своим боевым топором путь к дальнейшему освоению неведомых земель. И в эту брешь хлынули торговые и любознательные люди – русские Колумбы, как принято их называть. В середине семнадцатого века ссыльный поляк Никифор Черниговский вместе со своей братией двинулись к берегам суровой реки. Расположились в Албазинском городище, основанном Ерофеем Хабаровым как крепость, стали собирать ясак для государевой казны с аборигенов. Отряд Никифора выстроил слободу, занялись хлебопашеством. Степан рассказывал:

«И стал этот острог как кость в горле для маньчжуров с противоположного берега. Не единожды подступались они к крепости с желанием уничтожить русский дух на берегах Амура. Но Албазинский острог, словно птица феникс, был сожжён и вновь поднялся из пепла. В 1686 году прислал тогдашний воевода Сибири Иван Власов семьсот служилых людей для восстановления и обороны крепости на берегах Амура. И вновь обложили острог маньчжурские полчища. Пять месяцев длилось Албазинское сидение, от семи сотен казаков в живых осталось лишь сто пятьдесят человек, но и врагов полегло немало. Лишь мир, заключённый в Нерчинске, спас казаков от полного уничтожения. Двести лет прошло, а казаки до сих пор чтят подвиг своих прадедов⁶».

---

⁶ Нерчинский договор был заключён Ф.А. Головиным 27 августа 1689 года. Он устанавливал мирные отношения между Россией и Цинской империей, а также разграничивал территории. Граница стала проходить по реке Аргуни. Таким образом, и Китай, и Россия отказывались от своих притязаний на Нижний Амур и Приморье. Албазинский и Аргунский остроги были сожжены самими русскими.

Я думаю, что и нам бы не грех вспомнить кровь, пролитую нашими прадедами во славу отечества. Не ту кровь, времён Гражданской войны, когда брат резал брата, а сын – отца. А ту кровь, которую пролили русские солдаты, освобождая другие народы от рабства и расширяя границы государства Российского.

– Ну, ты, Стёпка, даёшь! По истории родного края шпаришь как по писаному, – польстил я парню. – Неужели про все местные события знаешь?

– Про всё не всё, а вот про историю своего рода знаю немало, – ответил он гордо.

– И чем же у тебя родова такая примечательная? Неужто боярских кровей кто подмисил? – хитро поинтересовался Болдырев.

– Ну, насчёт боярских кровей имеются некоторые сумления, а вот персиянских есть трошки, – Стёпка гордо расправил плечи.

– Эвона как? – удивлённо присвистнул Ефим. – Ну и как же ты эвто сподобился?

– А эвонного деда мерин с персиянской кобылой амуры крутили, – пошутил Зимин Филипп.

– Ну вот, дядька Филипп, вам бы всё шутить. А ведь вопрос-то сурьёзный, об роде-племени моих родителей.

– Ты не серчай на Филиппа, Степан. Рассейскому человеку не пошутить всё равно что одной меркой водки душу попытаться утолить, – успокоил Степана Ефим.

– То верно Ефим изрёк, – заулыбались довольные мужики. – Сказывай уж, Стёпушко. Дозволь насладиться слухом об истории твоего семейства. Всё обчество просит.

Степан разгладил усы и произнёс:

– Ну, раз обчество просит, тогда слушайте:

«Кровь моя на Сибири не просто так объявилась. Корни наши произрастают аж от самого Ивана Кольцо. Осужден он был царём-батюшкой Иваном Васильевичем Грозным на смерть. Но спас его Бог от гибели лютой. Пристал Иван к вольному гулящему люду – казакам. Через свою храбрость и воинское умение не последним атаманом он стал у казаков. Так случилось, что свела его путь-дорожка с другим казачьим атаманом. Атаман тот был дюже знаменит своей доблестью и разумением. Ермаком Тимофеевым прозывался тот казачий атаман».

– Эко хватил, – перебил рассказ казака Болдырев Яшка, – уж не в того ты Ермака метишь, что Сибирь воевал?

– В того самого, Яшенька, в того самого, – невозмутимо подтвердил Степан свои слова, сворачивая самокрутку.

Сидящие вокруг мужики резко зашикали на молодого парня:

– Ты пошто эвто, сопля, в мужчинский разговор вяжесси? Нишкни!

– А ты где эвто должен быть, Яков? А ну марш на правило, – прекратил разговоры Ефим. Яшка уже и не рад тому, что дёрнул же его чёрт за язык, и, огорчённо сопя, побрёл к кормовому правилу. А Степан меж тем продолжал:

– Так вот, значит, братцы, раз дюже неверующие удалились, можно чего и сбрехать. Как обчество будет на это глядеть?

– Да чего уж тамotka, Степан Северьянович. Дитёнок он и есть дитёнок. Его только к бабской сиське подпу- щать и можно.

– Да, такого токмо подпусти, – заржали мужики, – всех обрюхатит.

– Вы щё, мужики? Я же в умственном понимании эвтого слова, – вконец запутался Ефим и махнул рукой.

– Давай, Северьяныч, глаголь далее. А не то эвтих жеребцов хлебом не корми, дай токмо непотребное обсмеять, – утихомирил всех Зимин.

Степан, всё ещё улыбаясь, продолжил:

«Так вот, свела судьбинушка Ивана Кольцо да Ермака Тимофеева. Были с ними и прочие славные атаманы – Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов. Прослышали про тех

атаманов богатые предприниматели и купцы Строгановы. Знатно торговали они на Сибири, но постоянно беспокоил их татарский разбойный люд хана сибирского Кучума. Сговорились Строгановы с атаманами, во главе с Ермаком, о помощи. Более пяти сотен привели с собой с берегов Волги и Дона атаманы. И вот тут- то и пошла потеха. Отряды в несколько десятков казаков оборачивали в бегство тысячные войска татар. От души повеселились наши деды, уж отлились татарве слёзы Батыевских нашествий. Много жёнок хакасских понесли от казачьего племени. А мой пращур Иван Кольцо взял в бою на саблю персиянскую принцессу. У самого Кучума она в плотских услужениях состояла. Ну и случилась меж ними любовь. Вот с тех пор и пошёл род наш».

– Выходит, не брехал ты, Степан, про княжну персиянскую?

– Брешет соседской кумы кобель. А нам это не за надобностью, – сплюнул за борт Степан.

– А как же далее всё происходило?

– А что далее? Поубивали, паря, всех татары да местные хакасы. Где обманом, где подлостью...

– Стало быть, и пращура твою сия чаша не минула? А ты бы поведал, как эвто случилось. Всё одно время ка- ратать.

– Я вам поведаю, мужики. Как на берег на ночлег встанем, так и покумекаем. А покамест на свой плот мне надобно. Случай мой ноне на правило становиться, – ответил Степан и ловко прыгнул в привязанную к плоту лодчонку.

До ночлега оставалось не так уж и долго. Отцы- командиры уже стали высматривать удобное место для остановки каравана. Я стоял на переднем правиле, с удовольствием подставив распахнутую рубаху свежему ветерку. Весь сплав обычно держался недалеко от нашего берега. Это во избежание ненужных и случайных эксцессов с маньчжурами. Хоть два года назад и был подписан Ай- гунский договор⁷, но сами знаете – тайга закон, медведь хозяин. Случается плыть и китайской стороной – отмели и косы делают своё дело. Тогда приходится быть предельно внимательным и оружие держать наготове.

Глядя на своих случайных товарищей и односумов, я думал о том, как схожи и не схожи сами пионеры и условия освоения Дальнего Востока и Америки. Схожи климатические условия, бескрайние просторы и суровая природа диких земель. Не схожи способы и приёмы их освоения.

Ведь из западных вестернов мы знаем всё или почти что всё о борьбе за свою независимость индейских племён. По сути это была захватническая война одного народа другим, война на полное истребление, что впоследствии цивилизованный мир назовёт геноцидом. Не русские и не немцы придумали концентрационные лагеря. Их придумало самое демократичное государство в мире – Америка и назвала резервациями для коренного населения. Не правда ли очень демократично и гуманно? Не оттуда ли пошла печально знаменитая поговорка: «Хороший индеец – мёртвый индеец»?

В древние века к нам со своей бедой пришли угнетаемые хазарами болгары. И что же? Они получили землю с миром и любовью, где и организовали первое славянское государство. Так и сейчас, в продолжение вековых традиций, наши переселенцы несли с собой положительный прогресс и добрососедские отношения. И местные народы это поняли. Они потянулись к нам с большим удовольствием и верой. Они видели в русских людях то, что видели все угнетаемые страны и народы всей Евразии и Востока. Они увидели своих защитников и освободителей. Вот только водкой поить их не следовало.

---

⁷ 28 мая 1858 года в г. Айгунь между Н.Н. Муравьёвым и китайским представителем Шанем был подписан мирный договор о торговле и территориальном разделении между Китаем и Россией, за что Муравьёв был возведён в графское достоинство с добавлением к своей фамилии приставки Амурский и произведён в генералы.

Я обратил внимание, что мою сторону плота сносит на берег, и несколькими гребками правила выровнял положение. Мои думы приняли совершенно другое направление. У Степана с Катериной что-то наклеивается, но уж больно оба строптивы. Никто друг дружке не уступит. Ну а так, со стороны наблюдать интересно. Они думают, что об их чувствах никто не подозревает. Наивная простота. Всем об этом уже судачить надоело. Я стал примечать, что даже отец Катерины, Устюгов Демьян, стал на Стёпку как-то по-новому, по-хозяйски поглядывать. Наверняка уже место ему при себе определяет. Ну-ну, Демьян Андреевич! Казаки-то, они как привыкли? Умыкнёт красавицу и поминай как звали.

– Послухай, дядька Михаил, вот давеча Степан про Сибирь сказывал. Неужто Ермак воевал там с теми самыми татарами, что нашу Рассею когда-то полонили? – прервал мои размышления Болдырев Яшка. Я от неожиданности вздрогнул. Яшка в паре со мной стоял у конца правила.

– Ну, конечно, не те же самые, а их изродившиеся потомки.

– Как эвто?

– Ну, ты помнишь, Степан говорил, что несколько десятков русских воинов поворачивали вспять тысячные отряды Кучума?

– Конечно.

– А во времена Чингисхана, Батыя и их последователей было наоборот. Потому что там из-за одного воина, трусливо покинувшего поле брани, предавали смерти весь десяток его товарищей. Из-за десяти человек казнили сотню. Вот такая была дисциплина.

– Вот эвто да! – восхищённо протянул Яков.

– Поэтому они и прошли полмира. Ну, конечно, не только поэтому. Были и другие причины, – поправил я себя.

– А пошто они изродились? – с трудом выговорил Яков новое для себя слово.

– Потому как сытая и спокойная жизнь до добра не доводит. Да и опять же рабы. А когда тебе ещё ко всему прочему и трудиться не приходится, да и лень... Таким образом великие империи и народы пали под мечами более настырных и жадных до жизни.

– И откуда тебе всё известно? Не иначе правду люди бают, что, ваше благородие, ты, за дуэль разжалованный, – не сдержался Яшка.

– Отчего же? – удивился я. – Вон и Степан немало знает.

– Э, Стёпка-то знает. Только знания ваши не в Стёп- кино разумение, – уверенно махнул рукой Яшка.

– Думай, парень, как тебе хочется. А как бы там ни было, с этого парохода нам с тобою никуда не деться, – сердито пробурчал я и дёрнул правило в свою сторону.

– Значитца, ты веришь, что Стёпка свой род от того самого Кольца ведёт?

– А что, жизнь нам иногда подбрасывает такие выверты, что и не в такое поверишь, – ответил я задумчиво. Уж я-то это знал теперь не понаслышке.

Наконец-то далеко впереди баржи и плоты одни за другими стали приваливать к берегу. Своеобразное движение и похрюкивание внутри желудка напомнили о том, что человек состоит из плоти и крови. А эту плоть и кровь непременно надо кормить белковой пищей, а иначе труба-дело или кранты.

Едва причалили к берегу, как хозяйки засуетились у разводимых костров, а молодняк под присмотром старших занялся своими святыми обязанностями – выгул- кой и выпаской скотины. Дела, уже давно ставшие обычными... Женщины, небольшими кучками, устремились к прибрежным кустикам и местам поудединённое. Когда все вновь собрались у костров, а в котлах весело булькала похлёбка, Степан, лениво почёсывая за ухом, проговорил, обращаясь к жене Зиминой:

– Давеча видел я, тётка Праскева, как ты одна, без обчества, до кустов путь держала.

– Ну и щё, охальник окаянный, нашёл куды смотреть, – подбоченилась дородная женщина возрастом более сорока лет.

– А он шибко бабами, которые в возрасте, интересуется, – прыснули со смеху молодухи. – Жалеет, что ты его, тетя Праскева, не пригласила поучаствовать.

– Ну, приглашения мне ваши за ненадобностью. Ежели которую ухвачу, так зараз не отвертится, – всё таким же невозмутимым тоном продолжал Степан. – А вот ходить до лесу одни вы бы, бабы, поопасались.

– Эвто с чего бы? – дёрнула плечиком Катерина.

– Да опасаясь я, как бы кто не прихватил вас за это самое место, пока вы будете в интересном положении, – уже ухмыльнулся Стёпа.

– Да щё же эвто, чёрт усатый, шутки нам этутка шутить удумал? Счас я тебе разум-то вправлю, – молодая баба, держа в руке мокрую со стирки пелёнку, решительно шагнула к казаку.

Стёпка, смешно перебирая ногами, заелозился задницей по траве в сторону от женщины.

– Ты что это, молодуха, на воина руку поднимать? – неуверенно выкрикнул он.

– А откуда мне знать, какой ты воин? Ты на меня в атаку не ходил. И окопа моего тебе не видать как своих ушей, – под общий смех отбрила молодка Степана.

– Во баба! Чья такая? – вытер Степан со лба испарину.

– А чья бы не была! Тебе ведь ясно было сказано, что в свой окоп она тебя не допускает, – выкрикнул из толпы молодой голос.

– Во стервы! – только и смог восхищённо сказать Степан. – Вот чего, бабское семя, удумали. Я им про то, что поопасаться надо, а они всякие безобразия мне высказали.

– А чего ж эвто нам опасаться, господин казак? У нас этутка мужиков цельная прорва. Да и у тебя с солдатиком вон какие ружья ловкие да сабельки вострые. Ажно сердце заходится.

– Во-во, – решил отомстить за свой мимолётный позор Степан. – Ты шасть в кусты, а там хунхуз. Ты только, я извиняюсь, свои дела справлять наладилась, а он тебя хватъ и айда подальше от этих мест. А там тайга. Ищи-свищи.

– А кто оне такие, эвти кункузы? – оторопела молодка.

Все притихли. Оборот дела стал более интересным.

– А это такие маньчжурские гулящие люди. Разбойники, значит. Очень никчёмный для жизни народ. Но русских баб любят, аж скулы ломит, – мстительным тоном продолжал Стёпка.

– А пошто баб-то? – тупо спросила молодка.

– Для своей хунхузской мужичьей надобности, – терпеливо удовлетворял свою месть казак. – Уж очень они любят с бабами этим делом заниматься. Мужики у них в таких случаях не в почёте. Потому мы и могём до кустов без опасений. А вам ни-ни. Ну, если токмо окромя такой, которая сама пожелает.

До сих пор сдерживавшие свой смех мужики начали хохотать в открытую. Стёпка, от греха подальше, подхватив рукою шашку, метнулся к ближайшим кустам.

– Чего встала, колода? Беги вслед. Вишь, он тебя к кункузу приглашат. А мабудь, желает, чтоб ты ему саблю ишто наострила. Точилка-то, небось, ишто не стёрлась, – упражнясь в остроумии, хохотали мужики.

– Охальники вы беспутные, – ругались бабы. – Хоть бы дитёв малых да девок постыдились, черти сивобородые.

Шум поднялся такой, что не поленился и прибежал кто-то из начальников. Узнав в чём дело, он произнёс:

– Очень своевременное предостережение. Да-с. Хоть на моей памяти такого не было, но очень уж действительно никчёмный народишко.

Все поутихли, а Степан, гордо расправив плечи, смело покинул своё временное убежище. Однако он не переставал косить своим шалым глазом на женщин, которые попали на его неугомонный язык.

После ухода начальства расходившийся народ никак не желал укладываться спать. Все стали требовать от Степана продолжения рассказа о его генеалогическом древе.

– Я-то не против, мужики, но как на это посмотрят ваши бабы? Не будут они мне чинить препятствий?

– А им-то чего?

– Как это чего? Вы-то не спите. До кустов утаешно не проползёшь, – серьёзно промолвил казак.

Около костров вновь раздался смех.

– Да, казак, на войне и в бою такие люди нужнее всего, – серьёзно проговорил Ефим. – А пока ведай без опасений. Со своими бабами мы как-нибудь управимся.

– Ну, тогда я спокоен, тогда слушайте:

«Дали, значит, наши воины татарам жару. А куда ты с луком и копьём на огневой припас попрёшь? Много сибирской земли под себя взяли. Но чувят, что без России не удержать им эти земли. Вот и снарядил Ермак посольство на Москву к царю Ивану. А во главе того посольства поставил своего верного атамана Ивана Кольцо. Велел передать он, что вместе со своими друзьями взял на копьё Сибирское царство и готов сдать его без всяких условий царским войскам. Ибо должна прирастать земля русская.

Ну, царь-то, конечно, обрадовался. Моего прадеда простил. Вину с него снял. Наградил всех соответственно и при Сибирском царстве так и оставил. Ну, а когда вернулся

Кольцо на Сибирь, то пошли меж атаманами неурядицы. Кто больше дани взял. Кто больше полону захватил. Кто саблю востру чаще других в ножны не вкладает. Вот так поодиночке и пали они в сибирских землях. От предательства, от гордыни непомерной и зависти людской. А семя их крепко корни пустило и дале махнуло. А на Даур мой прадед Данила Кольцо пришёл уже с Василием Поярковым. Да так и остался в этих землях навечно. А я уж тут и родился. И как есть являюсь потомственный казак, а не то что пришлые иногородние, которых его превосходительство генерал-губернатор Муравьёв своей волей в казаки записал».

– Это как? – невольно перебив Степана, поинтересовался я.

– А ты что не знаешь? – изумился тот.

– Так я же прямиком с России-матушки, – напомнил я ему.

– А, – махнул он рукой, – почитай десять годков назад его превосходительство приказал всех нерчинских работных людей да часть бурятов и тунгусов записать в казачье сословие⁸.

«А молодец-то каков, – подумал я о Муравьёве, – на голом месте из подручных средств создал приграничный оборонный комплекс из потомственных военных. А ведь русскому человеку много не надо. Дай ему льготы, пообещай прекрасную жизнь в необозримом будущем, и он горы свернёт».

С такими мыслями я благополучно уснул.

---

⁸ По приказу Муравьёва в 1851 году из трёх русских, двух бурятских и одного тунгусского полков было создано Забайкальское казачье войско. А в 1858 году появилось и Амурское казачье войско, из которого в 1889 году выделилось Уссурийское.

Глава 8.

Я становлюсь знаменитым

Подняли нас, как всегда, ни свет ни заря. Молодёжь вернулась из ночного возбуждённая и весёлая. Мне подумалось, что к концу нашего путешествия редко какая молодка останется без приплода. Лето. Река. Романтика. Новые знакомства... Меня самого уже не единожды уговаривали повечерять на зорьке. Но я боюсь. Чёрт его знает, как моё здесь появление повлияет на всемирный ход истории. А тут интимная близость с местной красавицей. Вдруг залетит? Вот то-то и оно. Поэтому, как могу, воздерживаюсь, но подозреваю, что надолго меня не хватит. С другой стороны, с чего это я возомнил себя важной персоной, способной влиять на всемирный исторический процесс и судьбы мира. Может, меня именно для того самого сюда и забросило? Ну, вы понимаете для чего. Улучшенные гены там и всё такое прочее, а я столько времени даром потерял. Я горько усмехнулся и посильнее упёрся в шест. Плот стал с трудом отплывать от берега. На дворе стояло лето 1860 года. До моего появления на свет оставалось 103 года, и я думал о том, что, не дай Бог, из-за меня кто-нибудь станет матерью.

Когда наши плоты выстроились стройной колонной, теперь уже я прибыл к Степану на плот с ответным дружественным визитом. Мы болтали о том о сём и, лёжа на спине, лениво разглядывали прозрачные облака. Погода была что надо.

К нам, строя глазки, подсело несколько девушек. Некоторых я уже различал по именам, и одна из них даже была моей симпатией, только она сама об этом ещё не знала. Это была Луиза, младшая шестнадцатилетняя сестра Катерины.

Шестнадцать лет – возраст, конечно, уже о-го-го, но ещё не того. Поэтому я – ни малейшего повода. Ни единого поползновения. Хотя девочка была первый класс. Таковую исконно русскую красоту в наше время не встретишь. Не зря ведь наши предки для определения своих чувств верные слова находили: «краса ненаглядная», «зорька ясная», «девица красная». А ведь действительно краса такая, что глядишь и не наглядишься. Вот только имя... И как это у простого русского мужика так могла разыгаться фантазия? Только позже, под страшным секретом, Катерина мне поведала, что батька уже устал от девок. А тут пятая. И снова баба. Голова уже не в состоянии что-либо новое придумать, и тут как на грех к местному богатею приехала гувернантка по имени Луиза Францевна. Так и стала русская красавица Луизой. Я в шутку называю её донной Луизой. Девушка краснеет и смущённо отводит глаза. Я так понимаю, что я ей тоже не безразличен.

– Господин солдат, – прервав наш со Стёпкой покой, жеманно обращается ко мне Катерина.

– Что изволите, сударыня, – поддерживаю я её тон.

Девушки многозначительно переглянулись. Казалось, что одна другой говорила: «Ну вот, а вы не верили».

– Вот девушки и я очень интересуемся узнать историю вашей жизни, – промолвила она.

– А что в ней такого интересного? – я недоумённо переводил взгляд с одной подруги на другую. – Жизнь как жизнь. Солдатская. У меня даже таких знаменитых родственников, как у Степана, не имеется.

– Они, Михаил, хотят знать, за что тебя в солдаты разжаловали. И как ты по разным балам разгуливал, красивые амуры дамочкам делал, – позевывая, выдал Степан.

– Чего? – я опешил.

– Да про это токмо глухая на оба уха бабка Матрёна не ведаёт. А так все в полном разумении и понятии, – ещё больше огорошил меня Степан.

– Да вы что, голубушки? – я беспомощно огляделся. – И за что же, по-вашему, я лишился офицерского звания?

– Дак знамо дело, за дуэль. Под запретом это развлечение для благородных, – чуть ли не хором выкрикнули девушки.

Я с последней надеждой посмотрел на предмет своего обожания. Глаза тамбовской девушки с испанским именем с таким неподдельным восторгом смотрели на меня, что я сдался. А что мне было делать? Поболтать-то я любил всегда. Особенно если на грудь было принято несколько склянок весёлого снадобья.

– Хорошо, – сказал я, – но только попрошу заметить: вы сами этого захотели.

Девушки радостно захлопали в ладоши, а Степан повернулся ко мне и вопросительно уставился на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.